



МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ

Взаимоотношения российских властей и казахских элит Младшего жуза, как важнейший фактор интеграции территории Младшего жуза в состав Российской империи (30-е годы — конец XVIII века)

Выпускная квалификационная работа
по направлению 44.04.01. Педагогическое образование
Направленность (профиль) программы магистратуры
«Современное социально-историческое образование»

Форма обучения заочная

Проверка на объем заимствований:
94,32 % авторского текста
Работа рецензирована на защите
«25» января 2024 г.
зав. кафедрой всеобщей истории
Лазарев С.А.

Выполнил:
студент группы ЗФ-05-269-2-1
Введенский Игорь Георгиевич

Научный руководитель:
к.и.н., доцент кафедры всеобщей истории
Горшков С. М.

Челябинск
2024

Оглавление

Введение.....	4
Глава 1 Казахские жузы накануне принятия подданства Российской империи	19
1.1 Традиционная родоплеменная структура казахского этноса	19
1.2 Традиционные элитные группировки казахского общества	25
1.3 Положение казахских территорий накануне начала их вхождения в состав Российской империи	40
Глава 2 Взаимоотношения российских властей и казахских элит в процессе интеграции Младшего жуза в состав Российской империи	49
2.1 Взаимоотношения российских властей и казахских элит в период правления хана Абулхаира (1731-1748).....	49
2.1.1 Начало интеграции казахских территорий в состав Российской империи и различие подходов чингизидских группировок к данному процессу (1731-1740)	49
2.1.2 Конфликт хана Абулхаира с остальной частью чингизидской аристократии, и его влияние на построение российско-казахских взаимоотношений (1740-1748).....	65
2.2 Взаимоотношения российских властей и казахских элит в период правления хана Нуралы (1748-1786).....	76
2.3. Взаимоотношения российских властей и казахских элит в период нестабильности 1786-1797 годов.....	87
2.3.1. Реформа О.А. Игельстрома, как прямая попытка российских властей по переустройству традиционной казахской элиты. Причины ее неуспешности и последствия (1786-1791).....	87
2.3.2. Достижение внутриэлитного баланса, как важнейший фактор прекращения восстания под руководством Сырыма Датова и	

окончательного вхождения Младшего жуза в состав Российской империи (1791-1797)	101
Заключение	114
Список использованных источников	123
Приложения.....	130

Введение

На протяжении мировой истории существовало большое количество мощных государственных образований, имевших тенденцию к постоянному экстенсивному расширению и образованию империй. К числу данных государств, безусловно, можно причислить и Российскую Империю. Однако принципы, на которых данные государства выстраивали свою политику в отношении автохтонных народов, проживавших на завоеванных территориях, могли быть различными.

Один из главных аспектов данной политики заключался в выстраивании взаимоотношений с местной коренной элитой. Чаще всего имперские державы предпочитали полное либо существенное устранение прежних правящих кругов и их замещение собственными администрациями, во многом это определяло и будущее отношение к покорённым этносам. Однако, в случае с Российской империей не представляется возможным хотя бы в какой-то мере проследить применение данного подхода. Напротив, политике России на национальных окраинах было присуще тесное сотрудничество с местными правящими элитами, которые не лишались своих прежних властных функций, но как бы встраивались в систему общеимперского управления. Подобный способ управления новыми территориями создавал для имперской администрации определенные сложности, решая которые, властям приходилось применять различные способы устройства взаимоотношений с местными элитными кругами. Освещённость данного аспекта политики Российской империи на национальных окраинах в современной историографии, на наш взгляд, является крайне недостаточной и требует дополнительной проработки.

Помимо научной необходимости, данная работа также должна послужить цели опровержения инсинуаций о якобы колониальном и угнетательском отношении царских властей по отношению к народам Центральной Азии, что, в свою очередь, будет способствовать укреплению дружеских и доверительных отношений между РФ и государствами СНГ. Информация по интересующей нас теме содержится в источниках, относящихся к разным видам.

Первым видом можно считать *дипломатические документы*. К их числу относятся послания, направленные в 1730 году ханом Младшего жуза Абулхаиром ко двору Российской императрицы Анны Иоанновны, содержащие в себе просьбу о принятии казахов в подданство Российской империи, и некоторые дополнительные факты, которые, по мнению хана, должны были стимулировать интерес России к началу процесса активного сотрудничества с Младшим жузом. К тому же виду источников относятся ответные документы, адресованные от имени императрицы Анны хану Абулхаиру и всем его подданным, содержащие основные условия принятия казахов в подданство Российской империи [3, с. 377-385].

Основной пласт необходимой источниковой информации, был почерпнут из *документов государственного управления*, относящихся к периоду интеграции Младшего жуза в состав Российской империи. Этот блок документов не однороден и может быть разделён на несколько частей. Большинство документов представляет собой официальную переписку между главами органов управления и территориальных единиц Российской империи, в административном подчинении которых находились территории Младшего жуза, с одной стороны, и непосредственными правителями, либо значимыми лидерами казахов (такими, как ханы Абулхаир, Нуралы, Ералы, Есим и бий Сырым Датов) - с другой [1; 2; 7; 8; 12]. Данные документы позволяют увидеть основной событийный ряд, происходящий в указанный исторический период, а также проследить основные тенденции во взаимоотношениях между

местной администрацией и степными элитами. Важно оговориться, что данные документы не могут считаться абсолютно объективными и заслуживающими абсолютного доверия, так как они не лишены субъективизма, определенной подтасовки, либо умалчивания фактов. Со стороны казахских правителей довольно частым является стремление выставить свои собственные действия в как можно более выгодном свете, при этом, по возможности, очернить своих конкурентов и политических соперников. В письмах, направляемых в степь со стороны приграничных начальников, присутствует определённая скованность, обусловленная опасением испортить отношения с влиятельными казахскими правителями, и тем самым дестабилизировать обстановку.

Гораздо более достоверную информацию, позволяющую увидеть истинную подоплеку происходивших событий, содержат другие документы государственного управления – донесения и отчеты, направляемые со стороны местных властей в столицу Российской империи [1; 7; 8; 10]. В них главы приграничных администраций имели возможность представить свои истинные соображения, не опасаясь при этом вступить в конфликт с казахской правящей элитой. Вдобавок, осознавая слабую осведомленность центральной власти о положении вещей внутри казахского общества, составители документов оказывались вынужденными описывать всю подоплеку происходивших событий, включая и уникальные черты межэлитного взаимодействия в казахской степи. При этом нельзя с полной уверенностью утверждать, что данные письма были полностью лишены какой-либо пристрастности в силу того, что их содержание во многом определялось личным отношением их автора к тем личностям, о которых повествовалось в письмах.

Как правило, послания со стороны центральной власти, направляемые тем или иным представителям казахской степи (ещё один блок документов государственного управления), являлись реакцией на

письма, полученные от приграничной администрации, а их содержание в основном определялось изложенной там информацией [7; 8; 10].

Особую ценность при написании работы имел особый источник, который также может быть отнесён к документам государственного управления – докладная записка подполковника Д. Гранкина, направленного в Младший жуз в 1788 г. лично князем Потемкиным, с целью прояснения ситуации, сложившейся после проведения реформы управления, инициированной губернатором О.А. Игельстромом [8, с. 124-135]. Записка не только описывала наличное положение дел в казахской степи, но еще и содержала довольно развернутый анализ внутриэлитных взаимоотношений в Младшем жузе, а также то, как различные элитные группы выстраивали линию поведения по отношению к Российской империи, при этом автор, на базе имевшейся у него информации, предлагал свое собственное решение возникшей непростой ситуации.

Значимые сведения, касающиеся родоплеменного устройства казахского народа, а также определенная информация о традиционном устройстве элиты, содержатся в наиболее ранних *историко-этнографических описаниях*, сделанных российскими чиновниками и исследователями, так или иначе связанными с процессами, происходившими на территории расселения казахского народа. Среди них нужно назвать дипломата А. И. Тевкелева [4], государственного служащего А.И. Левшина [9].

Определенные сведения также удалось извлечь из *мемуарной литературы* некоторых путешественников и исследователей, посещавших территорию современного Казахстана в XVIII веке, таких как П.И. Рычков [11].

Большая часть данных документов была взята из сборников документов, созданных в советский период. Также значимое место было занято материалами, изложенными в томах серии «История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков». Данная серия сборников документов

была разработана и составлена Институтом истории и этнологии имени Ч.Ч. Валиханова, в рамках исполнения поручений, отданных первым президентом Республики Казахстан Н.А. Назарбаевым. В сборниках были собраны документы, остававшиеся до сих пор неизвестными, и опубликованы в 2005-2006 годах. В связи со сравнительной недавностью выхода в свет, большая часть материалов для раскрытия нашей темы используется впервые. Это обуславливает новизну данной магистерской диссертации.

Охарактеризованная источниковая база позволила восстановить весь ряд событийной истории, и в некоторой степени раскрыть его подоплеку. При этом, в силу своей ограниченности, данная база оказалась не вполне достаточной для всецелого проявления истинных причин и мотивов упомянутых в работе исторических деятелей, при принятии ими тех или иных решений. А потому определенная часть заключений, сделанных автором работы, вынужденно носит предположительный характер. основанный на понимании обычаев и традиций казахской степи, которые могли диктовать ту или иную линию поведения казахской элиты из которой складывался событийного ряда истории описанного периода.

Изучение истории вхождения казахских земель в состав Российской империи началось в дореволюционной отечественной историографии, продолжилось в советской, осуществляется и в настоящее время в российской, а также в современной казахстанской исторической науке. В рамках изучения данного процесса учёные затрагивали и отношение к нему казахских элит.

В историографии дореволюционного периода проблематика внутриэлитного устройства казахского народа и влияние данной составляющей на процесс интеграции казахских территорий в состав Российской империи затронута мало (П.П. Румянцев [64], П.И. Рычков [65]). В основном описывалось положение казахских чингизидов, с выделением некоторых особенностей, отличавших их от российского

дворянства. В частности, постоянно проходила мысль об экономической слабости чингизидской аристократии, в сравнении с крупными степными баями [64, с. 22-26, 34, 37]. Констатация этого обстоятельства не сопровождается какими-либо объяснениями или предположениями. П.П. Румянцев некоторое внимание уделяет персоналиям, связанным с историей казахского народа, в том числе ханам Абулхаиру, Абылаю и Нуралы, но рассматриваются они исключительно с точки зрения их личных амбиций и мотиваций, без какого-либо анализа стоящих за ними сил и социальных групп. В целом можно отметить, что для российских авторов, исследовавших казахский вопрос в дореволюционный период, проблематика местных этнических элит в основном ускользает. Влияние тех либо иных лиц на ход исторического процесса не отрицается, но рассматривается исключительно с точки зрения личной заинтересованности.

В целом же процесс вхождения казахских земель в состав России Рычковым и Румянцевым рассматривается как вполне закономерный и естественный, обусловленный целым рядом факторов, таких как: географическое расположение, экономические интересы, международная конъюнктура. Определенные трудности, возникавшие в те или иные периоды интеграции казахских земель в состав России, перечисленными авторами в основном списываются на воздействие со стороны внешних сил, в первую очередь ханств Средней Азии, во вторую - Китая, стремившихся воспрепятствовать укреплению влияния России в Азии, и пытавшихся самостоятельно завладеть теми или иными землями на территории проживания казахского народа.

Среди дореволюционных исследователей в отдельную группу можно выделить авторов, являвшихся этническими казахами, а потому воспринимавших процесс вхождения казахов в подданство России со своих позиций. При написании данной работы были использованы, в частности, труды казахского просветителя, поэта, члена Императорского

РГО Шакарима Кудайбердиева [45], и политического деятеля, депутата I созыва Государственной Думы Российской империи, Мухамеджана Тынышпаева [72].

В книге Кудайбердиева рассматривается процесс складывания казахского этноса, начавшийся задолго до начала активных русско-казахских связей. Однако в этой работе присутствуют довольно ценные сведения об особенностях взаимоотношений в традиционном казахском обществе между чингизидами и родоплеменными объединениями. В целом работа представляет собой изложение собственной истории, основанной на фольклоре казахского народа.

Работа М. Тынышпаева «История казахского народа» представляет собой короткий очерк, повествующий об основных событиях истории казахов, от момента монгольского завоевания и до революции 1905 года, в событийном их изложении, без глубокого анализа. При этом основной упор делается на периоде существования Казахского ханства. В разделах, повествующих о присоединении казахских территорий к России, автором описываются основные события, и даются некоторые оценочные суждения о личностях, причастных к данному процессу, в том числе о хане Абулхаире и первом губернаторе Оренбургского Края И.И. Неплюеве.

В советской историографии история казахского народа в целом и процесс присоединения казахов к Российскому государству, в частности, были подвергнуты глубокому научному изучению на базе марксистской методологии.

Можно выделить несколько основных этапов в освещении процесса интеграции казахских территорий в состав России. Первый доминировал в начале 30-х годов. На данном этапе в Казахстане еще не сложилось собственной научной школы, не появилось собственных профессиональных историков, а потому история Казахстана рассматривалась довольно узким кругом специалистов в контексте истории всей Средней Азии. Книга В. Лаврентьева «Капитализм в

Туркестане» [49] рассматривала историю Центральной Азии, как арену противостояния между Российской и Британской империями. В качестве одной из причин, способствовавших продвижению России в Азии, автор называл умение налаживать контакты с местными правящими кругами. В качестве причин данного явления указывались экономические выгоды, а также то обстоятельство, что именно Россия представляла собой главный оплот консерватизма в описываемую историческую эпоху, а потому она была готова идти на сохранение среди народов Средней Азии традиционных укладов, в том числе и в экономической сфере, а значит – и на сохранение основанного на них общественного строя.

Важной вехой в изучении истории Казахстана является деятельность М. П. Вяткина – по сути, первого в советской историографии ученого, начавшего процесс специального изучения истории казахского народа. Его фундаментальным трудом является монография «Батыр Срым» [28], в которой научному изучению подвергается восстание в Младшем жузе 1783-1797 годов, под руководством Сырыма Датова. Труд содержит богатый фактологический материал, основанный на архивных документах. Еще одним важным достоинством работы является довольно детальное освещение взаимоотношений между российской администрацией и правящей чингизидской верхушкой. При этом работа не лишена неверных трактовок материала обусловленных марксистской методологией (в частности с целью обоснования наличия классовой борьбы среди казахского народа). Автором неоднократно подчёркивается антифеодальный, народный характер восстания, с некоторыми чертами национально-освободительного движения. Довольно часто проводятся параллели с восстанием Е. Пугачева. Образ самого Датова чрезмерно идеализируется, выставляется в виде поборника истинно народных интересов. При этом элитарная суть родоплеменной старшины, в идеологических целях также затушёвывается, хотя в некоторых местах автор вынужден оговариваться, что восстание не было в полной мере

свободно от влияния определенных группировок, которых Вяткин называет «феодално- байской верхушкой» [28, с. 163]. Таким образом, Вяткин явно видел неоднородность казахской знати, к которой, помимо чингизидов, относились еще и «баи-феодалы». Термин «феодалы», использованный Вяткиным, нельзя воспринимать в его классическом прочтении. Однако при этом он не вполне уместен, так как родовая верхушка была присуща и прочим народам, находящимся на стадии перехода от первобытнообщинного строя к классовому, и обладала контролем над распределением материальных благ.

Последующие советские исследователи истории Казахстана, такие как Н.Г. Аполлова [17], В.Я. Басин [18], Е.Б. Бекмаханов [21], А. Еренов [22], Б. С. Сулейменов [67] занимались изучением периода нахождения Казахстана в составе Российской империи. Историки С.З. Зиманов [35; 36], Г.И. Семенюк [66] концентрировались на истории изучения традиционной социальной и политической структуры казахского народа. В целом они наследовали идеям, высказанным Вяткиным.

Под влиянием марксистской методологии перечисленным автором приходилось обходить ситуацию, связанную со спецификой казахской элиты. Особенно в аспектах, связанных с различными восстаниями, в которых родоплеменная элита сознательно, либо вследствие накопившихся искажений смешивалась с простонародьем, для придания данным акциям видимости народно-освободительной борьбы.

Новый, более детальный подход в изучении сферы традиционного социального устройства казахского народа, начался сразу после приобретения Казахстаном статуса независимого государства. Представленно трудами таких исследователей как: Ж.О. Артыкбаева [19], Г. Ахмеджанова [20], Е. Ерасылулы [31], В. Мартина [50], Е.Н. Правилова [59], О.Б. Куанбая [82], Курманалиной [83]. В данных работах описывается социальная структура казахов, существовавшая до и в первоначальный период интеграции казахских территорий в состав России

констатировалась. Однако в них не предпринимается попыток связать описанное устройство с особенностями интеграционных процессов прослеживающийся в данный период. Авторы в большей степени обращают внимание на изменения, происходившие в обыденной социальной жизни казахов.

Авторы, углубленно изучающие проблему интеграции казахских территорий в состав России и положение казахских территорий в ней, занимают в современной казахской историографии довольно заметное положение. Сразу стоит оговориться, что данная проблема не имеет однозначной трактовки и какой-либо системы взглядов на него. В целом можно выделить два основных подхода. Первый описывает данный процесс в качестве целенаправленной колонизации казахских территорий со стороны Российской империи, при незначительном добровольном участии со стороны некоторых чингизидов, надеявшихся при помощи России добиться осуществления своих собственных интересов. Данный подход в той или иной мере представлен в трудах Е. Абиля [46], Ж. Женис [80], А.Т. Каипбаева [81], А. Кузембайулы [68], Т.И. Султанова [77], Г.А. Шотановой [78]. Данная группа авторов в основном умалчивает о расколотости элитного поля в казахском традиционном обществе, более фокусируясь на родоплеменной раздробленности, как на главном факторе, обусловившем ослабление казахского народа накануне Джунгарского нашествия, и последующей интеграции в состав Российской империи.

Второй подход рассматривает интеграцию казахских территорий в состав России как объективный процесс, обусловленный целым рядом факторов, сделавших дальнейшее существование самостоятельных казахских государственных образований невозможным. К данной группе можно отнести таких авторов, как М.Ж. Абдиров [13], С.М. Акимбеков [14; 15], И.В. Ерофеева [33; 34], Ж.Б. Кундакбаева [48], Р. Темиргалиев [69]. В работах данных авторов, в особенности в работах С. Акимбекова, более детально освещаются вопросы, касающиеся своеобразного

устройства казахской элиты. В некоторых случаях к данному обстоятельству делаются отсылки при объяснении отдельных эпизодов, касающихся истории интеграции казахских территорий в состав России, однако в целом данный аспект все же остаётся в основном вне внимания данных авторов. Они в первую очередь концентрируются на экономических и политических процессах, происходивших на казахских территориях. Еще одной особенностью указанных работ является большая сконцентрированность на внутренних событийных процессах в казахской степи, при этом российские должностные лица и органы власти фигурируют довольно редко, а принимаемые ими решения не всегда в достаточной мере объясняются. Слабо описывается общеимперский контекст.

В современной историографии Российской Федерации существует довольно большое количество работ, посвященных вопросам продвижения России в Центральной Азии, в более редких случаях – отдельно на территорию современного Казахстана. В числе авторов, исследовавших данный вопрос, можно назвать Д.В. Васильева [25], А.Ю. Конева [44], В.А. Моисеева [52], Р.Ю. Почекаева [58], С.В. Тимченко [70], А.М. Хазанова [75].

Труды данных авторов, в значительной степени, позволяют увидеть общеимперский, а во многом и международный контекст исторических событий, сопряженных с процессом принятия казахами подданства со стороны Российской империи. Особо стоит выделить работу Р.Ю. Почекаева «Губернаторы и ханы», в которой автор, на основе широкого исторического материала, старается выделить влияние личностного фактора – как глав российской администрации, так и конкретных казахских чингизидов, - на положение России в казахских степях, а впоследствии – и во всем среднеазиатском регионе. При этом данные работы в основном слабо погружаются в специфику внутреннего положения и на территории казахов, и в других странах Средней Азии.

Помимо этого, при написании данной работы привлекалась историческая литература, не затрагивающая напрямую основной её проблематики, но позволяющая шире проникнуть в общий исторический контекст, глубже понять причины некоторых процессов, оказывавших влияние на построение российско-казахских взаимоотношений. Так, в работе А. Болатхана «Казахи и Хивинское ханство» [23] даётся детальное описание и анализ взаимоотношений Хивы с казахами, а также то, как менялись позиции данного государства в отношении укрепления России в регионе. Подобного рода работа, но в отношении Китая, была написана А.Д. Воскресенским [26]. В книге В.И. Колесника «Последнее великое кочевье» [43] описывается история попытки переселения калмыков на земли опустевшей Джунгарии, в которой казахи Младшего жуза играли свою, довольно значимую роль. В работах А. Ремнева рассматривалась история ислама на территории Казахстана, в период пребывания в составе Российской империи [61].

В связи с характеристикой историографической ситуации мы ставим перед собой следующую цель: проанализировать взаимоотношения российских властей и казахских элит Младшего жуза, как важнейший фактор интеграции территории Младшего жуза в состав Российской империи (30-е годы — конец XVIII века).

Для достижения цели мы формулируем следующие задачи:

1) Рассмотреть традиционное родоплеменное устройство и состав национальной элиты казахского народа накануне вхождения Младшего жуза в состав Российской империи.

2) Проанализировать причины, приведшие лидеров Младшего жуза к принятию российского подданства.

3) Выявить особенности процесса интеграции территории Младшего жуза в состав Российской империи, обусловленные особенностью устройства правящей элиты казахского народа, в 1731-1740 гг.

4) Показать шаги, предпринятые российской администрацией, для преодоления препятствий на пути интеграции казахских территорий в состав России, вызванных расколом казахской правящей элиты в завершающий период правления хана Абулхаира (1740-1748 гг.).

5) Проследить изменения в характере российско-казахских взаимоотношений в период правления хана Нуралы (1748-1786).

6) Проанализировать реформу управления в Младшем жузе, предпринятую генерал-губернатором О.А. Игельстромом, с учетом традиционного противостояния внутри элиты казахского народа. Показать причины неуспешности данной реформы и ее последствия (1786-1791).

7) Рассмотреть процесс поиска российской администрацией наиболее удачного баланса элитных групп казахского народа, приведший к прекращению волнений в Младшем жузе (1791-1797).

Объектом нашего исследования является территория Младшего Жуза в период его интеграции в состав Российской империи.

Предмет исследования – взаимоотношения российских и казахских элитных группировок в период интеграции Младшего жуза в состав Российской империи.

Теоретико-методологической основой для написания данной работы был принцип историзма, то есть рассмотрение событийного ряда истории взаимоотношений российской администрации и казахских элитных группировок XVIII века в контексте конкретных социальных реалий, существовавших в описанном регионе в рассматриваемый исторический период.

Мы использовали также системный подход. Исходя из него, мы рассматривали организацию власти и элит казахского народа как своеобразную систему, в которой номинальный правитель (хан) и его окружение, с одной стороны, и формально подчинённая ему родоплеменная знать – с другой стороны, не находились ни в строго иерархических, ни в горизонтальных отношениях. В то же время в

Российской империи в этот период уже была выстроена чёткая иерархическая система организации власти. Встраивание казахской системы власти в имперскую российскую систему управления, безусловно, порождало определенные проблемы, которые имели различные варианты решения.

Для объяснения указанной специфики организации власти и системы элит казахского народа было необходимо показать их происхождение, в связи с чем в работе использовался историко-генетический метод.

Так как в работе проводились некоторые параллели между положением калмыков и казахов в составе Российской империи, особенностей взаимодействия российской администрации с ними, мы можем говорить о применении нами ещё одного специально-исторического метода – сравнительно-исторического.

Также мы руководствовались такими общенаучными методами, как анализ и синтез.

Географические рамки работы – преимущественно территория Младшего жуза. Она соответствует современным областям Республики Казахстан: Западно-Казахстанской, Атырауской, Мангыстауской и частично Актюбинской. Нами также затрагивались события, происходившие на сопредельных территориях Российской империи, в основном соответствующих субъектам Российской Федерации: Астраханской, Оренбургской, Самарской и Саратовской областям, республикам Башкортостан и Калмыкия. В связи с тесными экономическими и политическими связями казахов с Кокандским и Хивинским ханствами мы рассматривали события, происходившие на территории, соответствующей в настоящее время Республике Туркменистан и северной части Республики Узбекистан.

Хотя в рассматриваемый нами период в состав России стал входить также и Средний жуз, мы решили, по нескольким причинам, не рассматривать его в контексте интересующих нас проблем. Во-первых – в

силу объёма материала по одному только Младшему жузу. Во-вторых – в силу того, что процессы интеграции Среднего жуза имели свою специфику. Такое ограничение территориальных рамок не сказалось на глубине рассмотрения процесса интеграции Младшего жуза, так как процессы в Среднем Жузе на Младший жуз серьёзно не влияли.

Хронологические рамки работы – 1731-1797 годы. 1731 год является годом официального начала вхождения Младшего жуза в состав Российской империи. 1797 год стал годом завершения восстания под руководством Сырыма Датова, после которого Младший жуз окончательно оказался составной частью России.

Мы полагаем, что в нашей работе впервые всесторонне описывается влияние взаимоотношений между российской администрацией и казахской элитой на процесс интеграции Младшего жуза в состав Российской Империи, что обуславливает её новизну.

Глава 1 Казахские жузы накануне принятия подданства Российской империи

1.1 Традиционная родоплеменная структура казахского этноса

Важнейшей основой внутреннего общественного устройства казахского этноса являлась его родоплеменная структура, предполагавшая иерархию между родоплеменными подразделениями. Межродовые взаимоотношения были одним из определяющих факторов и во внешних связях казахского народа.

Традиционное казахское родоплеменное деление имело сложную структуру, имевшую несколько ступеней. Казахский этнос (Ел) разделялся внутри себя на три основные части, называвшиеся жузами (племенные союзы). Жузы, в свою очередь, подразделялись на арысы (племена), арысы делились на ру (рода), ру, в свою очередь, разделялись на ата-аймаки (подрода), конечным звеном были отбасы (семьи) [27, с. 14].

Жузы (*от каз. Жүз - сотня*) представляли собой первичные, наиболее значимые этнотерриториальные объединения. Казахский народ был разделен на 3 жуза: Старший (Улы) жуз, Средний (Орта) жуз, Младший (Киши) жуз [4, с. 168].

Причины, по которым произошло данное разделение, и именно подобным образом, до сих пор вызывают острые дискуссии в научном сообществе. Основной теорией, описывающей происхождения жузов, является следующая. Жузы сложились во время становления Казахского ханства, в процессе откочевки из-под власти Узбекского ханства (процесс начинается в 1465 году). Племена, отважившиеся на откочёвку в первую очередь (что в тот момент было сопряжено с большими рисками), получили привилегированное положение и стали базой для возникновения

Старшего жуза. Племена, присоединившиеся в уже более благоприятный период, стали впоследствии составными частями Среднего жуза. К Младшему жузу, в свою очередь, были отнесены родоплеменные объединения, присоединённые к Казахскому ханству силой оружия, в результате распада другого кочевого государства - Ногайской Орды [45, с. 67-69; 55, с. 135-148]. Однако данная теория не является общепризнанной, часть современных исследователей (С.М. Акимбеков, М.Ж. Темиргалиев), либо признаёт ее с некоторыми дополнениями, либо полностью отвергает (Т.Ж.Шоинбаев).

Если в первоначальный период существования Казахского ханства (рубеж XV-XVI вв.), степень обособления жузов друг от друга была относительно невысокой, то с течением времени она стала возрастать [72, с. 74-77].

Показательным в данном отношении является то, что во всех документах Российской империи, относящихся к данной тематике, не вполне ясное для авторов слово «жуз», было заменено на термин «орда». Данный термин в русскоязычных текстах традиционно применялся для обозначения самостоятельных кочевых государств (Золотая Орда, Большая Орда, Ногайская Орда и т.д.). То есть, жузы в период начала активных русско-казахских взаимоотношений уже воспринимались в качестве вполне самостоятельных политических единиц [9, с. 19, 24; 52, с. 45-50].

Каждый жуз имел закреплённую за ним строго обозначенную территорию. К владениям Старшего жуза в общем и целом относились земли современного Южного Казахстана, в котором выделяются две основных природно-географических зоны - Семиречье (Жетысу) и Присырдарьинский регион [4, с. 312]. Несмотря на то, что по размеру территория Старшего жуза несколько уступала землям, отведенным остальным жузам, в природно-климатическом плане данные территории представляли собой зону, наиболее благоприятную для введения кочевого скотоводства. Они были богаты водными ресурсами и обширными

пастбищными угодьями, а также практически не подвергались глубокому залеганию снежных покровов в зимний период, что являлось одной из основных причин массового падежа скота [66, с. 38-41]. Территория расселения большей части племен Старшего Жуза соприкасалась с землями расселения узбекского народа, в связи с чем племена испытывали довольно сильное культурное и экономическое влияние с его стороны. В отдельных, непосредственно соприкасающихся с узбекскими землями районах, начало распространяться оседлое скотоводство, а в некоторых казахонаселенных районах даже существовали попытки заниматься земледелием [40, с. 82-86].

Старший жуз, как следует из его наименования, занимал доминирующее положение в жузовой иерархии. В политической жизни это выливалось в правило, согласно которому хан, правивший Старшим жузом, считался (по крайней мере, номинально) одновременно с этим и ханом всех казахов. В других аспектах представителям Старшего жуза оказывались различные формы почтения. Например, боевые порядки Старшего жуза во время марша всегда шли во главе войска, а во время сражений стояли по центральному флангу. Во время народных собраний первое слово обязательно принадлежало представителям Старшего жуза. Во время застолий им должны были принадлежать наиболее почетные места. Причем старшинство в жузовой иерархии являлось более приоритетным, чем старшинство по возрасту [40, с.86-91]. Несмотря на кажущуюся незначительность данных проявлений, в некотором смысле принимавших исключительно формы этикета, на самом деле они имели далеко идущие последствия и неоднократно становились поводом для многочисленных размолвок, что впоследствии выливалось в междоусобную борьбу [19, с. 102].

Средний жуз располагался на обширных степных территориях северного, центрального и восточного Казахстана. Данная часть казахского народа до определенного периода не имела каких-либо контактов с

другими народами, а потому в наибольшей степени сохраняла традиционный уклад и образ жизни тюрко-кыпчакских кочевников. Этому же служили и природно-климатические условия. Данные земли были в достаточной мере насыщены водными ресурсами и очень богаты пастбищными угодьями, однако в зимний период были подвержены весьма низким температурам, а также глубокому залеганию снежных покровов. В связи с этим, все виды скота (кроме лошадей и овец), способные к добыче кормов из-под снега, оказывались просто не в состоянии обеспечить себя пропитанием в зимний период, и были обречены на гибель от бескормицы. Средний жуз являлся доминирующим по площади занимаемой территории и численности населения [9, с. 28-32; 40, с. 93-98].

Младший жуз располагался на территории, относящейся по преимуществу к областям современного Западного Казахстана. В относительно благоприятных условиях для ведения традиционного казахского образа хозяйственной деятельности находились рода, кочевавшие по берегу реки Урал. Практически вся остальная часть Младшего жуза находилась в засушливых местностях, в связи с чем в данном регионе имело широкое развитие верблюдоводство. Рода, проживавшие в южной части Младшего жуза, имели широкие контакты с туркменами. Рода северной оконечности были довольно тесно связаны с башкирским народом [9, с. 37-42; 40, с. 101-107].

Внутри себя жузы подразделялись на арысы (племена). Число племен в каждом жузе было различным. В состав Старшего жуза входило 8 подобных объединений: жалаир, албан, саун, дулат, канлы, шапрашты, ошакты и ысты. К Среднему жузу относилось 6 племен: кыпчак, уак, керей, найман, аргын и конырат. Младший жуз включал в себя всего 3, но довольно многочисленных племена: жетыру, алимулы и байулы [4, с. 312; 27, с. 98-116]. Подобная конфигурация племен сложилась в период становления Казахского ханства и практически не претерпевала каких-либо масштабных изменений.

Отношение к одному арысу предполагало тесную кооперацию его составных частей, в первую очередь при обороне территорий. Но, если границы жузов, согласно установившимся традициям, не подлежали изменениям, то границы расселения племен, хоть и довольно редко, все же могли пересматриваться. Территория расселения племени обмежёвывалась своеобразными пограничными столбами, роль которых исполняли каменные булыжники и иные природные материалы, на которые наносилась тамга (племенной символ). Самовольный перегон скота через обозначенную территорию представителями других племен мог повлечь серьёзный конфликт [34 с. 56-63]. Представители арыса возводили свое происхождение к одному предку, личность которого, как правило, была скорее легендарной, чем реальной.

Арысы, в свою очередь, подразделялись на ру (рода). Количество родов в одном племени могло быть различным. В среднем это число колебалось в районе 5-8 единиц. Принадлежность к одному роду предполагала еще более тесную кооперацию между его членами. В период ведения боевых действий родовое ополчение выступало в качестве единого воинского отряда. В рамках одного рода действовал обычай «жылу» - оказание материальной поддержки отдельно взятому представителю рода в случае его нахождения в тяжёлой жизненной ситуации. Представители ру, также как и представители арыса, считали себя потомками одного предка, но, в отличие от арыса, его личность была исторической [40, с. 130-133].

Ру подразделялись на ата-аймаки (подрода). Один ру в среднем включал в себя 6-7 ата-аймаков. Представители ата-аймака относили себя к одному реальному предку, чья генеалогия была ясно прослеживаемой. Принадлежность к одному подроду подразумевала наличие крайне тесной кооперации, существовали определенные формы совместных работ. В период сезонных перекочевок джигиты одного аймака осуществляли совместную охрану стад [27, с. 165-168].

Основной формой поселения казахского народа являлся аул, то есть небольшое поселение, в рамках которого проживала одна большая (патриархальная) семья (отбасы), то есть около 5-6 находящихся в непосредственном близком родстве домохозяйств [36, с. 104-107]. В составе одного ата-аймака могло находиться от 4 до 15 аулов. По сути, аул представлял единую хозяйственную единицу, в которой все основные виды работ выполнялись совместно. Во главе аула стоял наиболее старший по возрасту мужчина [40, с. 149-154].

Родоплеменная система была одним из главных факторов, определявших внутреннее устройство Казахского ханства, и в целом основой социально-политических процессов казахского этноса в описываемый нами исторический период. Причины устойчивости и большой значимости данной системы в истории казахского народа современными исследователями (С.М. Акимбеков, Востров В.В, С.З.Зиманов, М.С. Муқанов и др.) принято объяснять следующим образом. Доминирующим видом хозяйственной деятельности на территории расселения казахов было кочевое скотоводство. Специфика данного вида хозяйственной деятельности заключалась в том, что заниматься им исключительно индивидуально было практически невозможно, так как цикл необходимых к выполнению сезонных работ был гораздо более широким, чем могла осуществить отдельно взятая семья. Однако этот же кочевой образ жизни не позволял степнякам объединяться в крупномасштабные формирования, так как пастбищные угодья способны в должной мере самовоспроизводиться лишь в случае рационального использования. В случае чрезмерного количества скота травяной покров вытаптывался в большей степени, чем съедался, вследствие чего крайне быстро уничтожался. В силу этого невозможно было создавать очень большие стада. При чрезмерном переполнении табун разбивался на несколько частей и переводился на другие пастбища. Подобная специфика кочевого образа жизни, порождавшая необходимость бережного

пользования пастбищными угодьями (основой для которого становились родственные отношения) неминуемо вела к обособлению отдельных подразделений, что, в свою очередь, обусловило формирование и устойчивость системы родоплеменного устройства среди казахского и прочих кочевых этносов [15, с. 479-480; 27, с. 97; 35, с.115

Родоплеменное устройство казахского народа обуславливало то, что на каждом из уровней (ел, жуз, арыс, ру, отбасы) наличествовали собственные управленцы.

1.2 Традиционные элитные группировки казахского общества

Элита казахского этноса представляла собой сложное явление. Главной её особенностью была неоднородность, так как она формировалась на протяжении длительного исторического периода и состояла из трех основных элементов: традиционной тюрко-кыпчакской родовой знати, наследственного мусульманского духовенства и возникшей в период монгольского владычества династии чингизидов [38, с. 18-26, 34-37].

Казахское общество в начале XVIII века было разделено на две группы: ак-суйык (белая кость) и кара-суйык (черная кость). Ак-суйык по определению являло собой высшую часть казахского традиционного общества и, в свою очередь, также подразделялась на 2 части: торе - высшую управленческую элиту, и ходжи - сословие религиозных лидеров [45, 82-84]. Однако при этом и группа кара-суйык не была лишена своей собственной элитной составляющей, представленной в лице родоплеменной старшины, в некоторых вопросах гораздо более могущественной, чем сословие торе.

Торе (*вероятно, от старо-монгольского «төр» - трон, почетное место*) - высшая группа казахского народа. К данной группе принадлежали исключительно потомки чингизидов по прямой отцовской

линии [40, с. 168]. Правовой статус чингизидов был регламентирован, с одной стороны, традициями и обычаями, принесёнными в период монгольского владычества, которые, с другой стороны, налагались на социальную стратификацию кыпчакских родоплеменных объединений домонгольского периода. В этой связи роль чингизидов была довольно специфической. Их главной привилегией было безусловное право на ханский престол. Титул хана присваивался правителю всех казахов, в более поздний период - правителям жузов, а в некоторых случаях - предводителям влиятельных, многочисленных объединений [66, с. 72-75]. Все прочие торе, не получившие ханского титула, именовались султанами и могли претендовать на улусы, которые представляли собой административные единицы, состоящие из нескольких родоплеменных объединений, в которых султаны осуществляли в первую очередь военно-политическое руководство. Султаны, не сумевшие обзавестись собственным улусом, как правило, поступали на службу к другим, более влиятельным чингизидам, как правило, связанным с ними близкими родственными узами [38, с. 54-57].

Власть чингизидов не была наследственной в прямом смысле слова. В особенности это касалось власти султанов над своими улусами. Согласно сложившимся традициям, ни один чингизид не мог передать власть над своим улусом сыну, либо какому-либо родственнику, если на это не было согласия самих родовых объединений, которое прямо озвучивалось на общенародных собраниях - курултаях, либо могло доводиться до чингизида-правителя любым уполномоченным от имени объединения лицом [35, с. 71-72]. Исключением не был и сам хан. В связи с этим, чингизиды зачастую становились, по большому счету, номинальными фигурами, служившими для определенных элитных группировок своеобразным знаменем и центром объединения. Дополнительным фактором, обуславливавшим некоторую слабость и

оторванность чингизидов от подвластного народа, был их вненациональный статус [66, с. 79].

Несмотря на то, что с течением времени сформировались определенные устои, по которым та или иная ветвь чингизидской династии как бы закреплялась за конкретной территорией, в сущности, каждый чингизид, вне зависимости от династии, мог претендовать на ханский титул в любом из мест, где еще сохранялись традиции монгольского периода. Поэтому чингизиды казахских улусов могли зачастую оказываться в роли правителей каракалпаков, узбеков, туркмен и т.д. В свою очередь, внутренние казахские элиты использовали приглашённых со стороны чингизидов для междоусобной борьбы [50, с. 47-51].

Чингизиды в казахской степи в реальности не обладали какими-либо особыми имущественными правами. Важной чертой традиционного казахского общества являлось отсутствие какой-либо личной земельной собственности. Земельно-пастбищные угодья находились в собственности родоплеменных объединений. Функция по их перераспределению находилась исключительно в руках родовой старшины. Вмешиваться в данные вопросы, согласно сложившимся устоям, чингизиды могли лишь по инициативе самих родов. Как правило, подобное происходило в случае споров между различными родами. Самовольное же вмешательство торе являлось определенным табу, и влекло серьёзные конфликты между родовой знатью и чингизидами [32, с. 35-37].

Главным источником доходов чингизидов был сбор налогов (зякет) с подвластного им населения. Размеры и форма сбора данного налога были обусловлены сложившимися обычаями, главным основанием для которых служили коранические нормы и, как правило, составляли 1/40 часть от наличного в домохозяйстве количества скота [64, с. 20-22]. Увеличение могло быть оправдано только в случае очевидной для всех необходимости, например ведения войны. Однако на это необходимо было испрашивать

дозволения родовой старшины. В противном случае это вновь вело к конфликту [64, с. 39].

В случае, если чингизид не получал во владение собственного улуса, то он мог рассчитывать лишь на унаследованное имущество и, как уже говорилось ранее, в основном отправлялся на службу к более влиятельным родственникам. Подобное положение вещей приводило к тому, что чингизиды отнюдь не являлись наиболее экономически могущественной частью казахского традиционного общества. Гораздо более состоятельными были крупные родоплеменные предводители [35, с. 169-170].

Отсюда можно заключить, что торе-чингизиды не являлись главной политической силой, державшей в своих руках все нити управления в казахской степи. Как отмечает ряд исследователей (С.З.Зиманов, Е.Абиль, Г.У. Орынбаева), их главными социальными функциями было следующее. Во-первых, чингизиды выступали в роли высшего военного сословия, способного профессионально управлять воинскими формированиями в период ведения боевых действий. Во-вторых, в основном в руках чингизидов находилась и дипломатическая сфера. Именно при посредничестве чингизидов крупным родоплеменным объединениям удавалось установить отношения с окрестными народами [35, с. 114; 55, с.151].

В период существования единого Казахского ханства, ханы являлись главными определителями внешнеполитического курса. Влияние же ханов и вообще чингизидов на внутренние процессы было весьма ограниченным. Родовые подразделения очень трепетно относились к своим внутренним свободам. Любые попытки вмешательства чингизидов в данные процессы, например в сферу судопроизводства, воспринимались крайне негативно и вели к острым конфликтам. Данные конфликты не обязательно выливались в открытую вооруженную борьбу. Наиболее распространённой формой выражения протеста в казахской степи являлась откочёвка, то есть, уход на

новые территории либо с полным обособлением, либо под власть другого чингизида [68, с. 103-106] Подобные нормы поведения считались в казахском обществе вполне оправданными. «Торе являлись своего рода призывными вождями, а потому рода, покорявшиеся им, вполне считали себя вправе, в случае чего отказаться от их услуг» [38, с. 64]. Таким образом, зависимость чингизидов от родовых подразделений зачастую являлась куда более высокой, чем зависимость самих родов от них, так как значимость чингизидов в первую очередь определялась размером их улуса, то есть, количеством родоплеменных подразделений, признающих их в качестве своего предводителя. Рядом исследователей (С.М. Акимбеков, С.З.Зиманов, А.Кузембайулы, Е.Абиль) данный феномен объясняется накладыванием привнесенных монголами порядков на традиционную тюрко-кыпчакскую модель социального устройства [15, с. 603; 35, с. 74; 46, с. 63].

Если в первоначальный период, после завоевания Дешт-и-Кыпчака (исторический термин, введенный персидскими летописцами для обозначения степных территорий Азии, населенных кыпчакоязычными племенами, главным образом затрагивающий земли современного Казахстана, завоеванные монголами в первой половине XIII века), на данных территориях возобладала модель государственного и социального устройства, основанного на Великой Яссе Чингисхана, определявшей полное господство чингизидов во всех сферах общественной жизни, то в связи с распадом Монгольской империи, а, следовательно, и ослаблением привнесённого монголами правящего слоя, между ним и сохранившимися прежними этническими элитами началось перераспределение полномочий [55, с. 196-199]. Вследствие этого на территориях Золотой Орды, а затем и государств, образовавшихся в результате ее распада, с течением времени либо произошел полный отказ от власти династии чингизидов (например, в Ногайской Орде), либо в большинстве случаев возникла ситуация, при которой чингизиды и традиционные этнические элиты оформляли систему,

при которой каждая из групп занимала определённую нишу. В системе, оформившейся на территории Казахского ханства, как, впрочем, и в остальных государственных образованиях Средней Азии, чингизидам отводилась роль определённых центров объединения, главного военного и дипломатического сословия, а также, в некоторых моментах, функции третейских судей, способных урегулировать противоречия, возникавшие между родоплеменными подразделениями, так как сами чингизиды не относились к какому-то конкретному роду или жузу, и даже к какому-либо этносу [38, с. 67-71].

Попытки чингизидов восстановить свое положение, путем концентрации в своих руках как можно большей доли власти, были постоянным явлением политической жизни казахской степи. При определенном стечении обстоятельств, главным из которых являлась агрессия со стороны окрестных народов, некоторым казахским ханам удавалось в той или иной мере достичь данной цели. Однако данные периоды были весьма непродолжительными и с окончанием внешней угрозы, в скором времени, ситуация возвращалась к исходному состоянию [32, с. 49]. Попытки нарушения установившегося порядка, не обусловленные острой необходимостью, как правило, заканчивались крайне отрицательными последствиями для самих чингизидов. Показательным в данном отношении является деятельность хана Тахира (правил в 1523-1533 годах), чьи притязания на абсолютную власть привели к длительной междоусобице и фактическому распаду государства (так называемая 1-я гражданская война в Казахском ханстве 1528-1538 гг.) [46, с. 81-83]. Отсюда следует, что социальная роль чингизидов была обусловлена сложившейся традицией, выставлявшей им определенные рамки. Но со стороны самих чингизидов осуществлялись попытки данные рамки расширить.

Малая значимость чингизидов в реальных управленческих процессах всячески компенсировалась внешней атрибутикой и различными

правовыми нормами. К примеру, свод казахского обычного права Жеты-Жаргы предусматривал различные степени ответственности, предусмотренные за совершение правонарушений против представителей простонародья и представителей чингизидов. Также в повседневной жизни существовала масса форм выражения почтения по отношению к чингизидам со стороны народа. Обращаться по имени к чингизиду было строго запрещено, поэтому в разговоре использовались слова мырза – господин - как правило, для рядовых чингизидов, и таксыр – владыка - для чингизидов, занимавших центральное место в обществе [39, с. 183-185].

Одной из основных опор чингизидов являлась толенгитская дружина. Толенгиты (*от старомонгольского долонгут – «воин», «ратник»*) - особая прослойка казахского народа [38, с. 118]. Согласно шежире, относились к кара-суйык, но фактически были наиболее близкой к торе социальной группой. Данная категория населения, также как и торе, относится к привнесенным в социальную структуру казахского этноса в период монгольского владычества, что также обуславливает их близость между собой, и определенную чуждость по отношению к остальной части казахского народа [38, с. 118-119].

Толенгиты образовывали личную ханскую дружину и его ближайшее служащее окружение. Если проводить параллели с социальным устройством средневекового русского общества, то данная категория населения сопоставима со служилыми людьми. Помимо несения воинской службы, теленгиты занимались сбором налогов, осуществляли обязанности гонцов, несли надзор за бытом торе. За свою службу толенгиты получали содержание от своих патронов. В целом повседневная жизнь теленгитов считалась более престижной, чем жизнь простого рядового кочевника. За верную службу некоторые теленгиты достигали высоких социальных ступеней, становились военачальниками, советниками ханов, членами административного аппарата и т.д. [38, с. 120-123].

Как правило, толенгитами становились по происхождению, но также было возможно и добровольное вступление в их число. Однако, для того, чтобы влиться в ряды толенгитов, рядовому кочевнику необходимо было полностью разорвать все отношения со своим родом и семьей. Таким образом, толенгиты наряду с торе и ходжи не входили в состав родоплеменной структуры казахского народа [71, с. 136-138]. Но если торе и ходжи, как привилегированная часть населения, пользовались всеобщим почетом и уважением, то отношение к толенгитам со стороны простонародья было весьма пренебрежительным. В казахском фольклоре существовала масса пословиц и фразеологизмов, в которых образ теленгита показывается в качестве однозначно отрицательного человека, лишённого чести и совести, ограниченного служаки. Само слово «толенгит» в просторечье заменялось словом «шабарман», смысловую коннотацию которого возможно передать терминами «прихлебатель», либо «лизоблюд». Такое отношение рядовых кочевников к толенгитам принято связывать с выполняемыми ими функциями по сбору налогов и исполнением карательных акций, к которым в определенные периоды прибегала ханская власть. Свой отпечаток также накладывала и оторванность толенгитов от своих родов: добровольный уход из своего объединения рассматривался как однозначная измена и забвение памяти своих предков, что в глазах кочевого населения было тягчайшим преступлением [38, с. 126-130]. Данные оценки социальной роли теленгитов, сформированные на основе народных представлений о правильном поведении индивида, современными историками подвергаются пересмотру. Как отмечается в ряде исследований (С.М.Абдиров, Г.А. Шотанова), именно толенгиты являлись одной из основных опор существования казахской государственности, так как своим функционированием обеспечивали ее централизацию [13, с. 64; 77, с. 70].

Экономически толенгиты были всецело зависимы от хана или султанов, которым они несли службу. Уровень материального довольства

колебался в зависимости от того, какую роль толенгит занимал во внутренней иерархии, то есть, оттого, насколько его личная ценность была высока в глазах чингизида-патрона. Престарелые толенгиты за верную службу могли претендовать на выделение им собственного индивидуального хозяйства. Но данная норма являлась скорее одобряемой в народе традицией, нежели неукоснительным к исполнению правилом [35, с. 144-145].

Второй стратой сословия ак-суйык являлись ходжи (кожи). Как и торе, принадлежность к данному сословию определялась исключительно генетически. Ходжи считались потомками пророка Мухаммада. Однако, если в случае торе их происхождение от Чингисхана не вызывает у современного научного сообщества никакого сомнения, так как оно задокументировано в родословных списках (шежире), то в случае с ходжи их прямое отношение к пророку Мухаммаду вызывает большие сомнения. Как полагает большинство исследователей (Ж.Б. Абылхожин, Л.Р.Турганбаев, А.К.Жумадил), вероятнее всего, ходжи происходили от первых мусульманских проповедников, проникавших на территорию Средней Азии, и распространявших здесь новое вероучение [55, с. 117]. Важно отметить, что страта ходжи существовала еще в период домонгольского владычества, но при этом не относилась к традиционному тюрко-кыпчакским социальным группам населения [38, с. 173-174]

Главной социальной функцией ходжи было совершение религиозных обрядов и распространение мусульманского вероучения. Также ходжи длительный исторический отрезок времени являлись, по сути, единственной грамотной частью степного народонаселения. А потому именно на них возлагались обязанности по сохранению и защите от искажений наиболее важных сведений и информации. А именно, тех же самых родословий - шежире, наиболее значимых решений ханов, приговоров биев, межродовых договоренностей о распределении кочевков [35, с. 195-197]. В силу этого ходжи пользовались значительным

авторитетом в общественно-политической жизни казахского народа, хотя никогда не выдвигались на первый план, стоя за спиной либо торе, либо значимых родоплеменных вождей.

Ходжи, как правило, селились при аулах наиболее влиятельных и зажиточных представителей казахской знати или же перемещались по степи от аула к аулу, в которых совершали необходимые религиозные требы [71, с. 139].

Кара-суйык (каз. «черная кость») являлись второй основной группой казахского народа. Относились к ней практически все, не входящие в страты торе и ходжи [64, с. 28]. Однако полагать, что данная, подавляющая по своей численности часть степного народонаселения, являлась абсолютно однородной, будет большим заблуждением. Как уже говорилось, среди сословия кара-суйык выделялась собственная элитная группа, в лице родоплеменных предводителей, осуществлявших управление основными родоплеменными подразделениями (начиная с уровня арыса-племени), в рамках которых протекала основная жизнь и деятельность рядовых казахских кочевников. Наиболее выдающиеся из родовых предводителей получали от своих подданных почетный титул «бий». Само слово бий восходит к старотюркскому «бек», что принято переводить как «князь», либо как «вождь» [35, с. 136].

Бии являли собой особую часть казахского кочевого общества. В предреволюционный период данный титул был закреплен за избираемыми народными судьями. Но во время, предшествовавшее началу вхождения казахских территорий в состав Российской империи, а также в первоначальный период данного процесса, бии играли гораздо большую роль в социально-политической жизни казахского народа. По сути, в этот период бии являлись родо-племенными вождями. Как отмечает ряд исследователей социальной стратификации казахского этноса (Ж.Б. Абылхожин, Л.Р.Турганбаев, А.К.Жумадил) именно бии представляли собой прямое продолжение тюрко-кыпчакской правящей элиты,

социальная роль которых наследовала традиционному политическому устройству степняков домонгольского периода [55, с. 124, 217, 307]. Отголоски данного явления усматриваются в том, что должность биев не была в прямом смысле наследственной. Также титул бия не мог быть дарован представителями правящей чингизидской верхушки. Бии могли быть избраны только в среде представляемых ими родоплеменных объединений [71, с. 65-68]. При этом не стоит полагать, что избрание биев являлось всеобщим народным правом. Участвовать в выборах, а вернее, в сходах, на которых данные выборы происходили, мог лишь ограниченный круг лиц, к которым относились мужчины, вошедшие в определенную возрастную категорию и достигшие некоторого социального статуса, выразившегося в первую очередь в наличии прочного материального благосостояния - так называемые аксакалы.

По сути, именно аксакалы представляли собой реальную родоплеменную знать, в руках которой находились основные нити управления родоплеменными объединениями. Так как именно на курултаях (сходах аксакалов) решались основные вопросы внутренней жизни родовых подразделений, избирались бии.

Могущество аксакалов в основном базировалось на праве распределения земельных наделов. Согласно традиционным обычаям казахского народа, пастбищные угодья находились в собственности родов. Право же распоряжаться данными угодьями от имени рода находилось всецело в руках совета аксакалов. Именно от них зависело, какие кочевки занимали те или иные аулы, что, в свою очередь, напрямую влияло на материальное благосостояние рядового населения [32, с. 52-55].

Аксакалы возглавляли ата-аймаки и аулы. Наиболее авторитетному аксакалу в рамках ата-аймака присваивался почетный титул рубасы (глава рода), но данный титул, в отличие от титула бия, не давал каких-либо реальных полномочий [35 с. 140].

Таким образом, избираемые из среды аксакалов бии были национальной элитой, как бы противопоставлялись чингизидам, имевшим привнесенный извне «наднациональный» статус [39, с. 48-50].

Нахождение на должности бия не было ограничено какими-либо сроками. В случае эффективного исполнения возложенных обязанностей бий мог сохранять свой статус пожизненно. При этом, в случае явного несоответствия, курултай (сход старейшин) мог освободить бия от занимаемой должности. Как правило, на должность бия избирались люди, пользовавшиеся всеобщим авторитетом, зарекомендовавшие себя в качестве знатоков казахского обычного права. Кровное родство с предыдущими биями могло являться дополнительным аргументом при избрании на должность нового бия. Как правило, бии были представителями наиболее зажиточной части населения, так как занятие данной должности не было сопряжено с какими-либо материальными предпочтениями [36, с. 92-94].

Как отмечалось, во главе жузов, как правило, стояли ханы, но известны случаи, когда фактическими предводителями становились наиболее авторитетные и влиятельные бии. Например, в период джунгарского нашествия, из-за полной дезорганизации в среде чингизидов, признанным лидером Старшего Жуза стал бий Толе Алибекулы [31, с. 152].

Во главе арыса, в некоторых случаях, мог стоять султан-чингизид. Но большая часть племен все же предводительствовалась своей собственной родовой знатью, во главе которой стоял бий.

Бии и аксакалы являлись также ведущей экономической группой казахского народа, на чем также в значительной степени основывалось их влияние.

Бии обладали весьма широкими правами и полномочиями. В пределах подвластных им родоплеменных объединений биям принадлежала административная, судебная и, в определенном смысле,

военная власть. Причем судебная власть над подконтрольными родами считалась исключительной прерогативой биев. Вмешиваться в вопросы судопроизводства не имел права даже сам хан [66 с. 86]. Фактически бии являлись важнейшим звеном государственного управления в Казахском ханстве. Они выполняли непосредственное управление степными родами и осуществляли связь с высшей чингизидской властью. Без посредничества биев ханы были лишены возможности контакта с широкими народными массами.

Влияние биев на процессы в масштабах всего ханства было достаточно весомым. Оно зависело от многочисленности, мощи и старшинства возглавляемых ими родоплеменных объединений. В определенные исторические периоды влияние отдельных биев было вполне сопоставимо с влиянием ханов. В некоторые исторические периоды, для стабилизации внутривосточного положения, такими казахскими ханами, как Есим (1598-1628) и Тауке (1680-1712), учреждались советы биев, в которые входили наиболее могущественные бии. Ханы брали на себя обязательство осуществлять правление и принимать наиболее важные решения исключительно в согласии с данным советом [80, с. 78-80].

В тесной связке с биями действовали батыры, которые представляли собой главную военную элиту казахских родовых подразделений, выполнявшую при биях функции, отчасти сходные с теми, которые толенгиты несли при своих покровителях-чингизидах. Батыры являлись представителями «феодализованной военно-кочевой знати» [32, с. 54].

По сути дела, слово «батыр» изначально являлось почетным титулом, присваивавшимся воинам, зарекомендовавшим себя в период ведения боевых действий. Само слово «батыр» восходит к старотюркскому «бахадур», что означает герой, храбрый человек [55, с. 215]. Впоследствии батыры стали превращаться в группу профессиональных военных. В

отличие от торе и теленгитов, они относились к конкретным родоплеменным объединениям.

В период наибольшей централизации Казахского ханства титул батыра даровался ханом. В качестве подтверждения получения титула батыру выдавался личный боевой стяг (ту), что позволяло обладателю формировать собственный воинский отряд из числа добровольцев, относившихся к тому же роду, что и сам батыр [71, с. 94]. В некоторые периоды, особенно напряженные с военной точки зрения, батыры становились общеродовыми лидерами. Но в основном батыры редко играли какие-либо важные, лидирующие роли [71, с. 101].

Наиболее зажиточные лица в казахской степи назывались баями (*каз. - богач*). Традиционно к баям было принято относить тех степняков, в собственности которых находилось от сотни голов лошадей [32, с. 86-88]. Такое количество позволяло не просто обеспечивать высокий уровень жизни для их обладателя, но и оказывать влияние на процессы, происходившие в рамках его родового объединения. По свидетельствам среднеазиатских торговцев, посещавших территорию Казахского ханства, богатейшие из казахов насчитывали до 15, 18 и даже 25 тысяч лошадей и несметное количество мелкого рогатого скота [40, с. 56]. Такие баи были вполне способны оказывать влияние на масштабные политические процессы. Важно оговориться, что потенциально такими баями могли быть и выходцы из сословия ак-суйык, однако подобное стечение обстоятельств было довольно редким. Так как чингизиды были лишены широкого доступа к главному ресурсу, на основе которого в условиях кочевого скотоводства возможно было сформировать обширное материальное благосостояние, а именно, к пастбищным угодьям, которые по сути находились в руках родовой старшины. Именно «земельный» вопрос, по мнению ряда исследователей являлся главной причиной раздора между чингизидами и родовыми старшинами [35, с 156-157; 71, с. 87].

Постоянная конкуренция за власть между чингизидами-торе и родовой старшиной была перманентным явлением в жизни казахской степи.

Наиболее яркий пример попытки полного захвата власти со стороны чингизидской верхушки, связанный с личностью хана Тахира (пытавшегося заменить биев на прямых ханских ставленников, а всю землю объявить личной ханской собственностью), был упомянут ранее, вместе с его последствиями. Также существуют и менее ярко выраженные примеры того, как чингизидам удавалось добиться более существенного положения, например, в период правления ханов Тауекеля (1582-1598) и Батыра (1652-1680) [46, с. 45-46]. Указанные ханы, пользуясь сложившейся обстановкой, накапливали достаточно сил (в первую очередь толенгитской рати) для подавления возмущения отдельных родовых подразделений. После чего указанные правители предпринимали попытки вмешательства в межродовые дела, с целью ослабления наиболее авторитетных родовых предводителей, для еще большего укрепления позиций ханской власти [46, с. 48].

Однако данные периоды не становились временем укрепления всего ханства, а совсем напротив. Дело в том, что, чувствуя свою силу, приближенные к хану чингизиды начинали предпринимать попытки изъятия пастбищных угодий, навязывания себя в качестве лидеров отдельным подразделениям, повышения налогового гнета и т. д. [36, с. 161-162]. Это влекло за собой ответные протестные действия со стороны родовых подразделений, выражавшиеся в откочёвках, провозглашении над собой власти оппозиционных чингизидских групп, прямом неподчинении и т. п. Таким образом, внутренняя стабильность существенно подрывалась.

Существуют примеры того, что ханская власть практически полностью утрачивала контроль над родовыми подразделениями. Так, хан Жанибек II (1628-1643), являясь, по большому счету, номинальной фигурой, не был способен оказывать какое-либо влияние на родовых

вождей [39, с. 93]. В конечном итоге это привело к тому, что, оказавшиеся без каких-либо ограничений, родоплеменные подразделения погрузились в пучину междоусобных войн и безвластия, что сыграло на руку внешним врагам, подвергшим казахские земли грабительским набегам.

Наиболее стабильными периодами в истории Казахского ханства оказывались временные промежутки, когда ханы-чингизиды и родоплеменная знать оказывались способными к установлению между собой определенного баланса, когда каждая категория занимала свою определенную нишу, без попыток вмешиваться в сферы влияния друг друга, а по вопросам, требовавшим общего решения, находились приемлемые компромиссы. Для этих целей при ханах Есиме (1598-1628) и Тауке (1680-1712) учреждались советы биев, в которые входили наиболее могущественные бии [40, с. 130, 141]. Ханы брали на себя обязательство осуществлять правление и принимать наиболее важные решения исключительно в согласии с данным советом [80, 78-80]. Именно в данные периоды происходило наибольшее укрепление Казахского ханства, прекращавшееся в связи с началом нового этапа внутриэлитной конкуренции.

1.3 Положение казахских территорий накануне начала их вхождения в состав Российской империи

Положение Казахского ханства в начале XVIII века было крайне тяжелым. После смерти хана Тауке в 1715 году, государственное единство по факту перестает существовать. Последующие ханы Каип (1715-1718), и Болат (1718-1729), являлись лишь номинальными правителями [40, с. 25-36].

На фоне внутренней разобщенности все более и более нарастала внешняя угроза. На восточных рубежах Казахского ханства в 1635 году возникло Джунгарское ханство, под властью династии Чорос. С самого

начала его становления, между Джунгарским и Казахским ханствами сложились напряженные взаимоотношения [82]. Причиной конфликта служили пастбищные угодья в Семиречье. Впоследствии Джунгарское ханство установило тесные контакты с Цинской империей, вследствие чего произошло укрепление джунгарской государственности и ее военной мощи. Поддержка со стороны Китая не была случайностью или неким жестом доброй воли. Цинская империя начала использовать укрепившееся Джунгарское государство для борьбы с соседями-кочевниками, против которых китайская, в основном состоящая из пехоты, армия не могла действовать столь же эффективно, как войска других кочевников. При помощи джунгар Китай полностью покорил территории расселения халха-монголов, после чего дальнейшей целью для джунгарской экспансии становятся казахские земли [17, с. 19-27].

В 1723 году джунгарские войска под руководством молодого хонтайши (титул правителя Джунгарского ханства) Цэван-Рабдана начинают полномасштабное вторжение на территорию Казахского ханства. Для захватчиков складывается очень благоприятная обстановка. Формальный правитель Казахского ханства Болат имел реальную власть лишь над частью племен Старшего жуза. Между ним и прочими влиятельными чингизидами – такими, как султаны Иман и Жолбарыс в Старшем жузе, Самеке и Кушик в Среднем, Абулхаир в Младшем – существовали острые противоречия, что не позволило казахским родоплеменным формированиям выступить совместно в борьбе с завоевателями [18, с. 34-43]. Ожесточенное сопротивление отдельно взятых воинских формирований казахов не могло остановить хорошо организованного наступления джунгарских войск.

В результате джунгарского нашествия были завоёваны обширные территории: земли практически всего Старшего жуза, а также кочевья, расположенные на восточной стороне реки Иртыш, относящиеся к Среднему жузу. Тяжелым для казахов развитием ситуации не преминули

воспользоваться и другие соседи. С юга в пределы Казахского ханства вторглись войска Кокандского ханства, захватившие город Туркестан и его окрестности. А с северо-запада масштабный грабительский набег совершили калмыки и башкиры, разорившие многие аулы и угнавшие в плен немалое число рядовых кочевников, для дальнейшей их продажи на невольничьих рынках [40, с. 157-164].

Спасаясь от джунгарской агрессии и порабощения, многочисленные казахские рода начали движение в северном и западном направлении. Хорошо знавшие специфику кочевой жизни джунгары начали свое нашествие в период наибольшей уязвимости - ранней весной. Именно в это время переживший зимний период скот находится в наиболее ослабленном состоянии, и оказывается неспособным выдерживать длительные, стремительные переходы. В результате начался массовый падеж скота. Положение усугубилось еще и тем, что, в силу чрезмерной концентрации населения в северных, центральных и частично западных районах проживания казахов, возникла острая нехватка пастбищных угодий и нарушение традиционных кочевых маршрутов. Это спровоцировало еще большее разрастание масштабов падежа, а также привело к очередному витку обострения внутриродовых противоречий. Стечение данных обстоятельств привело к началу масштабного голода [39, с. 44-51; 80]. Еще одним фактором, усилившим его масштабы, стало то, что в результате отторжения города Туркестана и южной оконечности ареала расселения, казахи утратили выход к рынкам Средней Азии, бывшим на тот момент единственной возможностью приобретения необходимой продукции, кроме традиционного натурального хозяйства. Помимо этого, массовый падеж скота повлек за собой еще и начало тяжёлой эпидемии чумы [40, с. 170-174].

Данный период вошел в историю казахского народа как Актабан Шубрынды - «Годы Великого бедствия» (1723-1727 гг.). По данным, сохранившимся в казахском фольклоре, только от голода и болезней в этот

период погиб каждый третий житель степи, не считая погибших в сражениях и проданных в рабство [46, с. 135]. Эти сведения подтверждаются и данными, указанными в нескольких среднеазиатских источниках [31, с. 115]. Если учесть, что, по данным современных исследований, население Казахского ханства накануне джунгарского нашествия насчитывало около 4 миллионов человек, то можно предположить, что число погибших превысило 1 миллион [15, с. 746].

Около одной трети традиционных территорий расселения казахов попало под власть Джунгарии и, в меньшей степени, Кокандского ханства. Ряд степных племен, во избежание порабощения со стороны джунгар и кокандцев, согласились на выплату тяжелой дани. Резко обострился вопрос, связанный с распределением пастбищных угодий [40, с. 181-185]. А сохранявшееся хотя бы на формальном уровне единое казахское государство, способное в той или иной степени сглаживать возникающие противоречия, полностью прекратило свое существование [21, с. 33].

Перед лидерами казахского народа стояла острая необходимость организации отпора джунгарам и прочим агрессорам. Очевидным было то, что захватчики не удовлетворятся завоеваниями, сделанными в 1723 году, и предпримут новые попытки наступления, в связи с чем вполне реальной была угроза полного исчезновения любых форм казахской государственности и всего казахского народа [52, с. 47-48].

Наименее пострадавшим в ходе джунгарского нашествия, в силу своего географического расположения, оказался Младший жуз. С 1718 года во главе его стоял молодой и энергичный хан Абулхаир Айтак-Хаджиулы (годы жизни 1693-1748 гг.). Именно он стал главным организатором отпора джунгарской агрессии. Помимо естественного желания защиты своего Отечества, Абулхаиром владело еще и честолюбивое желание овладеть титулом общеказахского хана [34, с. 52-54].

Абулхаиру удалось собрать под своей рукой практически всех наиболее авторитетных батыров, ведущих борьбу против джунгар, из всех жузов. В результате, к осени 1723 года под его руководством собралось около 20 тысяч человек. С этим войском Абулхаиру удалось дать отпор набегам башкир и калмыков, в результате чего была, по крайней мере на некоторое время, обезопасена северная оконечность жуза. Благодаря этому, авторитет хана возрос еще больше, к нему начали присоединяться еще большее количество добровольцев.

В 1724 году Абулхаир во главе 30-тысячного войска подступил к городу Туркестану и сумел захватить его. Данная победа была довольно громкой, так как Туркестан являлся священной столицей казахского народа и важным торгово-экономическим центром. К Абулхаиру устремились не только представители казахского народа, но еще и ряд каракалпакских родов, стремившихся вырваться из-под владычества Коканда. Однако удерживать Туркестан длительное время казахские войска оказались неспособными, и через год, под натиском превосходящих кокандских войск, город был оставлен. Тем не менее, поход Абулхаира на Туркестан имел свои положительные последствия для казахской стороны, так как существенно подорвал военную мощь Кокандского ханства и приостановил дальнейшую агрессию вглубь казахской территории [34, с. 59-71].

Успехи Абулхаира на юге все же имели второстепенный характер, так как главная угроза казахскому народу исходила со стороны Джунгарского ханства. После крупного успеха весны - лета 1723 года, темп продвижения джунгар в открытых степных местностях был несколько замедлен. Тем не менее, джунгарские войска постоянно теснили казахов из мест их исторического обитания. В 1725 году Абулхаиру удаётся сформировать объединённое казахско-каракалпакское войско численностью около 50 тысяч человек, тогда как численность джунгарских

захватчиков оценивается разными исследователями (Е.Б. Бекмуханов, Г.И. Семенюк и др.) в диапазоне от 30 до 40 тысяч [21, с. 81-82; 66, с. 32-33].

Со своим войском Абулхаир начал решительные действия против джунгар. Активная фаза боевых действий продлилась до 1729 года. Несмотря на некоторые военные успехи, поход Абулхаира все же закончился неудачей. Казахам не удалось отвоевать ранее утерянные земли и остановить джунгарскую агрессию. Причины этого современные исследователи (С.М. Акимбеков, И.В. Ерофеева, А. Кузембайулы) видят в следующем: 1) Отсутствие единства среди казахской элиты, обострившееся после смерти номинального хана Болата в 1729 году. Степень разобщенности была столь высокой, что даже перед лицом общего врага чингизиды не смогли найти разумного компромисса и поступиться своими личными интересами. Амбициозный Абулхаир, оскорбившийся отказом прочих султанов, ссылавшихся на малую знатность его рода, признать за ним титул Великого хана, прекратил координировать с ними ведение боевых действий, чем сразу же сумел воспользоваться неприятель. 2) Джунгары получали поддержку Цинской империи, поставлявшей им пороховое вооружение [15, с. 562; 34, с. 113; 47, с. 16].

Абулхаир, вернувшийся в пределы своего жуза, начал искать выход из возникшего положения. Очевидным было то, что без поддержки влиятельной силы Младший жуз не мог самостоятельно справиться со всеми стоящими перед ним вызовами. Необходимо было искать союзника, способного обеспечить достаточную степень поддержки. Таковым, на тот момент, безусловно представляла Российская империя [34, с. 74].

История русско-казахских связей уходит своими корнями в далекое прошлое, и прослеживается со времен правления великого князя Василия III, однако до определенного периода они носили случайный характер. Между Россией и территориями расселения казахских племен не существовало фиксированной границы. Данная ситуация начала

претерпевать кардинальные изменения в 1715 году, когда в Западную Сибирь была направлена экспедиция под руководством И.Д. Бухгольца. В 1716 году были заложены Ямышевская и Омская крепости, ставшие началом строительства Иртышской линии боевых укреплений. В рамках ее строительства в 1718 году был заложена Семипалатинская крепость, в 1720 – Усть-Каменогорская. Таким образом, между территориями расселения казахов и Россией появилась фиксированная граница, что делало возможным начало активных контактов [69, с. 68-74].

Установление союза с Россией было давней целью Абулхаира. Еще в 1726 году, в период активной фазы борьбы с джунгарами, Абулхаир направил посольство в Петербург, во главе с бием Койбагаром, с предложением о заключении союзного договора. Однако данная инициатива не нашла отклика среди высших властей империи, так как не несла для России каких-либо серьёзных выгод и была сопряжена с большими рисками. [48, с. 119-124].

В 1730 году, после фактической неудачи предпринятого ранее похода, Абулхаир отправляет в Уфу (так как там располагалась ближайшая российская уполномоченная администрация) новое посольство, во главе с батыром Сеиткулом Койдагуловым. На этот раз речь шла не о заключении союза, а о принятии подвластных Абулхаиру казахских племен в подданство Российской империи. Причем для того, чтобы придать себе как можно больше значимости, Абулхаир в послании утверждал, что он якобы действует с согласия всех остальных степных правителей-чингизидов [3, с. 378]. Прибывшее посольство переправляется генералом П.И. Батурлиным, главой Уфимского наместничества, в Москву [3, с. 381].

Вопрос о принятии Младшего жуза в подданство вызывал споры среди высших кругов российской знати. Одни расценивали данный шаг как ведущий к укреплению мощи империи, другие указывали на возможные риски, в том числе на потенциальное обострение отношений с Джунгарией, а через нее – с Цинским Китаем. Вообще, представление о

казахских степях было весьма туманным. Большинству царских сановников она рисовалась в виде огромных, необитаемых степных просторов. В конечном итоге, однозначного ответа прибывшему посольству дано не было [76, с. 72-77].

Для того, чтобы прояснить ситуацию, в Младший жуз была снаряжена специализированная экспедиция, во главе которой был поставлен русский офицер татарского происхождения Алексей Иванович (Кутул-Мухамед) Тевкелев. По результатам экспедиции Тевкелева было принято решение о принятии Абулхаира и подвластного ему казахского населения в подданство Российской империи. Аргументами для данного решения стали следующие выводы, сделанные А.И. Тевкелевым: 1) Через территорию расселения казахов Россия потенциально получала выход на рынки среднеазиатских городов-государств, через них в Персию, а далее в Индию. 2) Казахская земля, даже при поверхностном изучении, казалась крайне богатой различными природными ресурсами. В частности, в донесении экспедиции указывалось на огромное количество солончаковых залежей и, как следствие, на возможность устройства выгодных соляных промыслов. 3) Как отмечал в своем донесении Тевкелев, казахи являлись довольно умелым народом в плане ведения степной войны, что потенциально могло быть использовано для ведения боевых действий против Крымского ханства, аналогично тому, как Россия уже использовала калмыцких ратников в ведении боевых действий в Причерноморье [4, с. 124-129].

В результате данных аргументов было принято решение о удовлетворении прошения Абулхаира, и принятие казахов в подданство Российской империи.

Таким образом, фактически даётся старт процессу интеграции казахских территорий в состав Российской империи. Для казахов данный исторический процесс был обусловлен, в первую очередь, нарастанием угрозы со стороны джунгар, а также необходимостью нахождения новых

экономических рынков, взамен утраченных. Как можно судить по донесению Тевкелева, главным интересом России становилось дальнейшее проникновение России в глубины Азии, через земли казахов.

Глава 2 Взаимоотношения российских властей и казахских элит в процессе интеграции Младшего жуза в состав Российской империи

2.1 Взаимоотношения российских властей и казахских элит в период правления хана Абулхаира (1731-1748)

2.1.1 Начало интеграции казахских территорий в состав Российской империи и различие подходов чингизидских группировок к данному процессу (1731-1740)

10 октября 1731 года, в местности Майтобе (современная Актюбинская область) ханом Абулхаиром и еще 29 казахскими султанами и старшинами была принесена торжественная присяга на верность Российской империи. Казахская знать клялась в том, что отныне она и возглавляемый ею народ будут являться верными подданными России, и «исполнять повеления ее императорского величества и высших властей» [7, с. 37].

По сути дела, данная формулировка, хоть и выглядела весьма внушительно, мало обязывала казахскую власть к чему-либо, так как Россия еще не располагала какими-либо инструментами воздействия на нее [20, с. 25]. Из более конкретного было обещание начала выплаты ясака (обязательного налога) в пользу Российской империи, размер которого составлял 4 тысячи лисьих шкур или эквивалентной им цены со всех подданных хана Абулхаира, что, в сущности, не являлось чем-то накладным даже для рядового населения, не говоря уже о зажиточных слоях [39, с. 59]. Также российские подданные, в первую очередь купцы, получали право свободного перемещения по землям, находящимся под властью Абулхаира [7, с. 37].

Со стороны России, от имени императрицы Анны Иоанновны была выдана жалованная грамота, в которой содержались гарантии по оказанию военной и иной поддержки принявшим подданство России казахам, в случае, если те будут исполнять принятые на себя обязательства. Также казахи получали право беспрепятственной и беспошлинной торговли в близлежащих населенных пунктах и крепостях Российской империи. [7, с. 38]. Данная норма была очень существенной, так как, после утраты Туркестана и начала войны с Кокандом, казахи потеряли доступ к традиционным рынкам Средней Азии, бывшим единственным местом приобретения товаров, не производимых кочевым укладом хозяйственной деятельности. Кроме того, присягнувшая казахская знать получила щедрые материальные подарки [28, с. 219].

Весть о принятии со стороны Абулхайра подданства России начала быстро распространяться по казахской степи. Извлекаемые в этой связи выгоды, на тот момент имевшие еще, впрочем, скорее гипотетический, чем реальный характер, казались весьма ощутимыми. Вдобавок, покровительство России по отношению к Абулхайру, при отсутствии подобного покровительства у остальных наиболее влиятельных чингизидов, усиливало его фигуру на внутреннем контуре [33, с. 88]. Данное стечение обстоятельств привело к тому, что в степи была запущена своеобразная цепная реакция. Уже в конце 1731 года, за принятием подданства к России обращается номинальный хан Среднего жуза Самеке Таукеулы (1719-1734). Отдельно от него с аналогичной просьбой обращаются другие султаны из Среднего жуза, которые фактически являлись самостоятельными правителями [7, с. 43-44]. Все поступающие запросы Россией удовлетворялись положительно. Уже в начале 1733 года со стороны отдельных племен Старшего жуза также произошли попытки войти в российское подданство. Но отдалённость данных объединений от российских границ, а также напряженность отношений с ханствами

Средней Азии, привели к тому, что российские власти ограничились лишь заключением торговых договорённостей [16, с. 99].

Стремительное принятие подданства России, со стороны столь большого количества казахских родоплеменных объединений, требовало от России соответствующих решений. Необходимо было в срочном порядке наладить систему управления обширным краем, и начать взаимодействие с местным коренным населением. В этой связи в 1734 году происходит учреждение Киргиз-кайсацкой экспедиции, во главе которой был поставлен один из сподвижников Петра Великого Иван Кириллович Кирилов, а его ближайшим помощником был назначен А.И. Тевкелев. В состав экспедиции было включено около 2700 человек. Перед экспедицией было поставлено большое количество разнообразных задач. Экспедиция обязана была наладить выгодный для России контакт с местными элитами, изучить особенности коренного населения, природу и ресурсы края, провести картографирование местности [54, с. 124-127].

Несмотря на стремительность принятия подданства казахскими родами, распространение влияния России было отнюдь не беспрепятственным. В первую очередь, проникновение России в казахскую степь вызывало обеспокоенность среди правителей среднеазиатских городов-государств, в силу следующих причин: 1) Ханы Средней Азии сами стремились к установлению как можно большего политического контроля над казахскими родоплеменными объединениями. 2) Переориентация казахов на рынки Российской империи была сопряжена с большими экономическими потерями для городов Средней Азии [18, с. 98-101].

Кроме того, сама специфика общественного устройства казахского народа была в определенной степени помехой к как можно более быстрой интеграции казахских земель в состав Российской империи. Российские власти, имея слабое представление о реальном положении дел внутри степи, проводили параллели между собственным государственным

устройством и государственным устройством казахского народа. Они полагали, что Абулхаир и Самеке, будучи носителями ханского титула, являются полноправными правителями в рамках своих жузов, а потому, для полного контроля над новыми землями будет достаточно сотрудничества с названными ханами и их ближайшим окружением [16, с. 101-102]. Однако, как вскоре удалось убедиться киргиз-кайсацкой экспедиции, реальная ситуация была совершенно иной. К примеру, уже в 1732 году шедший вдоль границы российский торговый караван был подвергнут разграблению со стороны казахов племени байулы. По этому поводу Тевкелев докладывал в коллегии иностранных дел следующее: «А он султан (имеется в виду султан Батыр, предводитель племени байулы, находящийся под подданством России - Прим. Автора), от такова их намерения унять не мог, понеже, они кайсаки, люди вольные и ханов мало слушают» [7, с. 89]. В этом же направлении ложится и донесение, направленное Кириловым самой Анне Иоанновне, в связи с целым рядом неурядиц, происходивших в тот период на границе, в котором сообщалось следующее: «киргиз-кайсацкие ханы над своими подданными безвластны» [7, с. 93]. Подобные заключения, сделанные главой киргиз-кайсацкой экспедиции, не могут не иметь под собой реальной подоплеки.

Рядом исследователей (М.Ж.Абдиров, С.М.Акимбеков, М.П.Вяткин) неоднократно ставился вопрос, чем все же объясняется реальная причина такого положения вещей, при которой, несмотря на все заверения, направляемые российским властям со стороны принявших подданство чингизидов, степные рода все же продолжали действия, влекущие осложнение российско-казахских отношений [13, с. 163; 16, с. 179; 29, с. 289]. Одна из версий, появившаяся еще в дореволюционной историографии (Румянцев), в первую очередь указывает на дестабилизирующую роль среднеазиатских ханств. Действительно, как указывалось выше, проникновение России внутрь казахской степи было крайне отрицательно воспринято ханами Средней Азии [64, с. 33]. В

скором времени им удаётся найти среди казахских чингизидов агента, через которого они предпринимают попытки проводить собственные интересы. Таковым становится султан Барак Турсунулы (год смерти 1750), относившийся к одному из наиболее влиятельных и знатнейших кланов чингизидов, но лишившийся практически всего в ходе Джунгарского нашествия. Важно отметить, что клан Барака и клан Абулхаира находились в давних враждебных отношениях [1, с. 86]. Барак становится лидером оппозиционной по отношению к Абулхаиру группы казахской знати. Ее идейной платформой становится разжигание межрелигиозной розни. Сторонники Барака начинают указывать на якобы факт вероотступничества Абулхаира и его сторонников в связи с принесением присяги на верность христианской правительнице. Самого же Барака представляют как подлинного мусульманского правителя, находящегося в братском согласии с другими правоверными владетелями, и ведущего борьбу с христианской Россией и ламаистской Джунгарией. На территорию расселения казахов начали проникать проповедники, завязанные на духовные центры Средней Азии, распространявшие слухи о скорой насильственной христианизации, а, следовательно, необходимости выхода из-под власти Абулхаира и перехода под руку Барака [63, с. 24-26].

Возможно, данные действия действительно оказывали некоторое дестабилизирующее воздействие на обстановку внутри степи. Тем не менее, современные исследователи (М.Ж.Абдиров, Е.Абиль, С.М. Акимбеков, А. Кузембайулы) расценивают данный фактор в качестве второстепенного, а масштаб его воздействия – незначительным [13, с. 180; 16, с. 185; 46, с. 179]. Доказывается это тем, что власть султана Барака распространилась лишь там, где это позволили сделать среднеазиатские владетели. Впоследствии ему даже было уступлено несколько городов на Сырдарье, что позволило ему присвоить себе ханский титул, но не помогло обрести широкого воздействия на народные массы, в представлении

которых за Баракком прочно закрепилось звание прислужника узбекских владетелей, отношение к которым на тот исторический момент среди подавляющей массы казахов было скорее негативным [1, с. 109-110].

Воздействие со стороны радикальных проповедников тоже не имело значительных последствий, по следующим причинам: 1) Религиозность казахских масс была довольно специфичной, в большинстве случаев она представляла некий симбиоз между мусульманским вероучением и традиционными религиозными воззрениями доисламского периода. Авторитет пришлых религиозных лидеров не был в этой связи достаточно высоким. 2) В самой Российской империи уже был накоплен достаточный опыт взаимоотношений с малыми, нехристианскими народами. Он заключался в том, что активная, но мирная проповедь православия велась среди народностей, еще сохранявших языческую веру (коми-пермяки, марийцы и т.д.), в отношении же народов, уже имевших единую, общую религию (башкиры, татары, калмыки) не применялось каких-либо методов по христианизации, не говоря уже о насильственных. Такой же подход был применён и в отношении казахского народа. Напротив, со стороны российских властей всячески подчеркивалась лояльность по отношению к мусульманскому вероисповеданию. Например, при строящихся на границе с казахской степью русских крепостях (Оренбург, Орск, Троицк и др.) в обязательном порядке возводились мечети. Впоследствии казахские юноши начали направляться в духовные учебные учреждения Казани, Уфы и Астрахани. Это являлось разительным контрастом с поведением тех же среднеазиатских ханств, которые практически не допускали казахов к обучению в своих религиозных заведениях, предпочитая направлять в степь собственных эмиссаров [61, с. 31-33].

Реальной причиной, объясняющей нестабильность в степной зоне, следует считать перманентный конфликт внутри казахской элиты. Помимо существовавшего соперничества между различными ветвями династии чингизидов, гораздо более значимым было традиционное противостояние

между чингизидской аристократией и родоплеменной верхушкой [69, с. 72]. Если в первоначальный период джунгарской агрессии данное противостояние было несколько сглажено, и в определенной степени даже произошла централизация власти вокруг наиболее выдающихся военно-политических лидеров, самым ярким примером чего является личность хана Абулхайра, то с появлением «русского фактора» обстановка вновь начинает претерпевать значительные изменения, по нескольким причинам. Во-первых, в связи с принятием российского подданства джунгарская угроза ослабевает, так как, несмотря на еще довольно слабое военное присутствие России в регионе, сама угроза вступления в прямой конфликт с ней и для Джунгарского ханства, и для Империи Цин была неприемлемой [76, с. 95]. Во-вторых, сама российская власть действовала в отношении казахской элиты не совсем адекватно, причиной чего являлись указанные выше заблуждения, наличествовавшие в среде российского чиновничьего аппарата. Как уже говорилось, российские власти делали упор на тесное взаимодействие именно с высшей чингизидской аристократией, то есть, с носителями ханского титула и наиболее значимыми султанами. Факт же существования традиционной родоплеменной элиты практически полностью игнорировался, так как та изначально представлялась в глазах российских властей как второстепенная часть своеобразного степного чиновничьего аппарата, находящегося в практически полной зависимости от воли правящих чингизидов. Ее влияние на простонародье явно недооценивалось [69, с. 82-84]. Такая линия поведения имперской администрации не могла не вызывать обеспокоенности среди родоплеменной знати, которая всячески стремилась сохранить свое, обусловленное сложившимися традициями, положение. Тесное сотрудничество между чингизидами и российскими властями в этом ключе, при отсутствии подобных контактов с родоплеменной знатью, выглядело явной угрозой, в связи с чем в степи и начинают происходить волнения, явно препятствовавшие налаживанию

взаимоотношений между Россией и казахами, а также укреплению ее присутствия в регионе [16, с.104].

Как можно заключить из приведённых выше свидетельств, до руководства киргиз-кайсацкой экспедиции довольно быстро доходит осознание того, что чингизиды отнюдь не являются реальными хозяевами положения внутри казахского общества. Однако выводы, сделанные из этого, оказываются весьма своеобразными.

Как указывает ряд современных исследователей (А. Кузембайулы, Р. Темергалиев, Г.А. Шотанова), родоплеменные вожди отнюдь не являлись ярыми противниками тесного сотрудничества с Россией, так как выгоды, извлекаемые степным населением, особенно в экономическом плане, были вполне очевидными [46, с. 147; 69, с. 251; 77, с. 20]. Обеспокоенность вызывало то обстоятельство, что российские власти делали ставку именно на чингизидскую аристократию, что в перспективе могло повлечь за собой возрастание её роли внутри казахского общества, вопреки оформившимся традиционным устоям. А потому родоплеменная знать старалась всячески заявить о себе и добиться своего прямого включения в происходившие российско-казахские контакты, как стороны, по меньшей мере выступающей на равных с торе-чингизидами.

Как уже было оговорено, российские власти в лице первых руководителей киргиз-кайсацкой экспедиции, со временем начали осознавать неоднозначность внутреннего положения казахской степи. Укрепление же влияние России в регионе было для них первостепенной задачей. Сам Кирилов имел грандиозный по своим масштабам проект, суть которого, по мнению Николая Петрухинцева, сводилась к «территориальной и торговой экспансии России в центральноазиатском и дальневосточно-тихоокеанском регионе. Проект поражает своею масштабностью: он предусматривал активное освоение Дальнего Востока, Чукотки, Камчатки, закрепление за Россией устья Амура, освоение и присоединение части американского побережья, торгово-экономическую и

политическую экспансию в район Кореи, Монголии, установление торговых связей с Японией и расширение торговли с Китаем за счет присоединения к России почти всей Средней Азии и выход на важнейшие торговые пути в центральноазиатском регионе, с перспективой установления прямых торговых связей с Индией» [56, с. 420]. Первым шагом в претворении в жизнь данного проекта было прочное положение России в казахских степях. Очевидным стало то, что исключительно путем тесного сотрудничества с верхушкой казахского общества, во-многом чисто номинальной, установление данного положения было невозможным, а потому необходимо было изыскание иных методов расширения влияния.

В период нахождения на посту главы киргиз-кайсацкой экспедиции Кирилова, основной упор был сделан на наращивание собственного военного присутствия России в регионе [25, с. 65]. Взаимоотношения с казахскими элитами отнюдь не были отвергнуты, и по-прежнему оставались в центре внимания. Однако, несмотря на наличие новых данных, они не претерпели каких-либо серьезных изменений. То есть, в центре внимания по-прежнему находилось налаживание взаимоотношений с правящей чингизидской верхушкой, а родоплеменная старшина воспринималась скорее, как некий бунтарский элемент, построение отношений с которым было практически полностью исключено. По мнению историка С. Акимбекова, российская власть все еще находилась в условном «плёну» собственных идейных представлений, согласно которым чингизиды представлялись неким аналогом русского дворянства, тогда как роль родоплеменной знати, в силу неясности ее специфики, полностью игнорировалась [16, с. 110].

На фоне этого начинает происходить личная размолвка между Абулхаиром и российскими властями. В 1735 году поднимается крупномасштабное восстание среди башкирского населения, недовольного отмежеванием земли под строительство новых военных укреплений. В период восстания Кирилов активно привлекает к его подавлению казахские

войска. Участие в подавлении принимали и войска Среднего жуза под руководством Самеке, но основные силы казахов, естественно, были предводительствуемы ханом Абулхаиром. В скором времени Абулхаир делает предложение лично императрице Анне о даровании ему ханской власти над башкирским народом, взамен на гарантии по полному приведению башкир к повиновению. Решение данного вопроса было передано на рассмотрение Кирилова, который отвергает притязания Абулхаира [34, с. 127-129].

Документов, ясно объяснявших причину данного отказа, нет. Но анализ сложившейся обстановки позволяет сделать следующие предположения. Дарование Абулхаиру ханской власти над башкирами означало бы большое укрепление его личных позиций. С одной стороны, данное обстоятельство могло расцениваться как крайне выгодное для российской стороны, так как Абулхаир считался наиболее лояльно настроенным из всех степных владетелей. Соответственно, его усиление было усилением позиций России. Но специфика внутренней жизни казахской степи была такова, что, чем больше российская власть сближалась с одним из казахских центров силы, тем более осложнялись отношения с иными центрами. Усиливая Абулхаира, российские власти рисковали настроить против себя не только родоплеменную старшину, конфликт с которой и так уже тлел, но и отшатнуть других чингизидов, не желавших укрепления позиций Абулхаира, известного своими намерениями по распространению личной власти над всеми казахскими родоплеменными объединениями [39, с. 60]. Существует мнение о том, что, в случае положительного решения просьбы Абулхаира, существовал риск присоединения к башкирскому восстанию казахских сил, настроенных против личности Абулхаира [70, с. 47]. По этим, либо иным причинам, Кирилов отвергает предложение Абулхаира, под благовидным предлогом [7, с. 104]. Естественно, что для хана Младшего жуза это стало большим ударом. Между ним и российскими властями начинает возникать

взаимное отчуждение. Абулхаир прекращает свое участие в походе против башкир. Но зато остальные султаны, напротив, более охотно включаются в борьбу, что дает основания убедиться в правильности указанной версии [1, с. 136].

Усугубляется конфликт инцидентом, происшедшим в конце 1737 - начале 1738 годов. В 1735 году вспыхивает очередная Русско-турецкая война, активное участие в которой принимали калмыцкие подданные Российской империи, которые использовались в качестве противовеса крымским татарам в степной войне. Пользуясь тем, что к 1737 году большая часть мужского населения Калмыцкого ханства уже находилась в степях Причерноморья, казахи из подвластных Абулхаиру родов атакуют стоянки калмыков и разграбляют их [34, с. 129-130]. В связи с этим хан калмыков Дондук-Омбо направил жалобу в коллегия иностранных дел, в которой сообщалось, что были «захвачены документы, книги и бурханы (то есть статуэтки Будды - *Прим. автора*)» [48, с. 209-210]. Положение дел оказалось довольно серьезным. Калмыцкие воины открыто высказывали недовольство российской администрацией, не способной обеспечить безопасность их домов в тот момент, когда они вели борьбу с врагами России. Существовала угроза открытого мятежа, что в условиях тяжёлой войны могло иметь самые негативные последствия [48, с. 211]. В решение конфликта пришлось вмешаться лично императрице Анне Иоанновне. Она в апреле 1738 года лично направляет Абулхаиру послание, в котором говорит, что тот, «охраняя свою подданническую должность, изволил собрать из киргизов тех солтанов и старшин, кои были в том набеге и наведаться, у кого из упомянутых бурханов и книг, что есть» [7, с. 110]. Не рискуя выступать в открытую против императрицы, Абулхаир действительно проводит некоторые действия, позволившие вернуть небольшую часть награбленного [34, с. 115].

Сам инцидент носит довольно интересный характер. Для российской власти вполне очевидным было то обстоятельство, что произошедший

набег не был спонтанной вылазкой степных народных масс, испытывавших давнюю вражду к калмыкам и желавших несколько обогатиться в сложившейся обстановке. В происшедшем видна тонкая игра Абулхаира, пытавшегося продемонстрировать свою значимость и даже, в некоторой степени, незаменимость в степной политике для России. Он указывал на то, что без его воли укоренение России в регионе невозможно. Доказывается это тем, что в том же 1738 году Абулхаир был вызван в Орскую крепость, где под давлением был вынужден вновь принести клятву на верность и подтвердить взятые на себя обстоятельства [7, с. 112]. Однако было очевидным, что отношения между Абулхаиром и имперскими властями были уже отнюдь не таковыми, какими они были в 1731-1734 годах.

В 1736 году Киргиз-кайсацкая экспедиция объединяется с созданной еще ранее башкирской экспедицией. Новообразованный орган получает наименование Оренбургская экспедиция (с 1737 года - комиссия), по месту своего пребывания в недавно основанной крепости Оренбург. В задачу экспедиции, помимо управления огромными территориями на Урале, ставится «ведать дела башкирския, калмыцкия и кайсацкия» [7, с. 115]. Таким образом, 3 кочевых народа, находящиеся в подданстве Российской империи, оказываются в подчинении единого центра.

В 1737 неожиданно умирает фактический основатель комиссии И.К. Кирилов. На его место был назначен другой видный сподвижник Петра I, Василий Никитич Татищев [13, с. 95]. В целом Татищев придерживался той же линии в отношении казахской знати, что и его предшественник. Отношения лично с Абулхаиром у Татищева складывались довольно положительно. В частности, у Абулхаира совместно с Татищевым рождается идея по основанию крупного укрепленного пункта в низовьях Сырдарьи, возможно даже в районе впадения реки в Аральское море. Этот город должен был стать местом постоянного пребывания Абулхаира, его личной ставкой [34, с. 120-121]. Для Абулхаира заинтересованность в этом

была очевидной. Исторически присырдарьинские города (Туркестан, Сайран, Сыгнак) всегда служили основой власти казахских ханов, так как ставили кочевые родоплеменные объединения в определенную степень экономической зависимости. Также важную роль играла военная составляющая крепостей. Вероятней всего, Абулхаир рассчитывал тем самым распространить свое влияние на обширные земли южного ареала расселения казахов и вообще укрепить свои возможности во внутренней борьбе за власть, а также усилить позиции в противостоянии с Хивинским ханством, которое обострялось все более и более. Российской стороной инициатива по строительству города на Сырдарье в первую очередь воспринималась как возможность для наращивания торгового присутствия в Средней Азии, а также открытия навигации по Аральскому морю [34 с. 125-127]. В целом, как отмечает ряд исследователей (С.М.Акимбеков, М.П.Вяткин, И.В.Ерофеева), Татищев не был сторонником форсированного расширения границ России, с полным включением в их состав земель народов, недавно принявших российское подданство [16, с. 189; 29, с. 292; 34, с. 268]. Скорее для него был более приемлем подход по установлению над данными территориями некоего протектората, в первую очередь экономической направленности, что для Абулхаира, стремившегося к расширению собственной власти, было вполне приемлемым.

Однако Татищев находился на должности главы Оренбургской комиссии весьма непродолжительный период времени. В 1739 году Татищев, из-за внутренних интриг в столице, был освобожден от должности и в скором времени взят под арест [54, с. 148]. На его место был назначен князь Василий Алексеевич Урусов. Назначение Урусова на пост главы Оренбургской комиссии сопровождалось конкретными предписаниями, среди которых, в том числе, имелось «совершенное окончание бывших башкирских замешаний» [54, с. 149]. Так как, по мнению высших властей империи, Татищев проявлял излишнюю мягкость

по отношению к башкирам, Урусов, прибывший на место, перенес полученное указание не только на башкир, но и на все прочие народы, находившиеся под его юрисдикцией, в том числе и на казахов.

Отношения между Урусовым и Абулхаиром с самого начала стали резко осложняться. В частности, Урусовым был свернут проект по строительству города на Сырдарье, так как тот более всего отвечал интересам Абулхаира [34, с. 150]. Для самой же России строительство укрепления на столь большом отдалении от основной линии боевых крепостей было сопряжено с большими материальными издержками, а также несло угрозу осложнения отношений со среднеазиатскими владетелями, которых еще надеялись включить в орбиту влияния мирным образом [59, с. 141].

В 1740 году присягу на верность России приносит хан Среднего жуза Абулмамбет. Дело в том, что в 1737 году прежний правитель хан Самеке скончался, после чего в Среднем жузе на время установилось фактическое безвластие, из-за борьбы нескольких чингизидских группировок [47, с. 17]. Главными претендентами на ханский трон оказываются следующие султаны: Саид - сын Самеке, Абулмамбет - сын последнего общепризнанного казахского хана Болата, и сын Абулхаира Ералы. Султан Саид, в связи со слабой поддержкой со стороны родовых объединений, в скором времени сошел с политической арены. Следовательно, основная борьба разворачивается между Ералы, а фактически - стоящим за ним Абулхаиром, и Абулмамбетом. При содействии со стороны Оренбургской комиссии, новым ханом становится Абулмамбет, являвшийся для России более приемлемым кандидатом [80, с. 79]. Для Абулхаира это становится очередным порожением, правда, носившим несколько замаскированный характер, так как формально претензии на престол выдвигались не со стороны Абулхаира, а со стороны его сына. Показательным является следующий инцидент: «Нарали и Перали, (находящиеся в Оренбурге сыновья Абулхаира - *Прим. автора.*), не только не приехали на праздник

(в честь принесения присяги Абулмамбетом - *Прим. автора*), но в тот же день откочевали, не простясь с князем Урусовым» [16, с. 114].

Но в этом же 1740 году конфликт приобретает более явные черты. Стремившийся к расширению своей власти Абулхаир ввязывается в открытый конфликт с Хивинским ханством. Конфликт возник в результате того, что Абулхаир начал активно вмешиваться в процессы, связанные с каракалпакским народом, стремившимся выйти из-под власти Хивы. Поводом для начала войны становится признание Абулхаира своим ханом несколькими каракалпакскими родами [23, с. 217]. В связи с началом конфликта Абулхаир запрашивает Оренбургскую комиссию предоставить ему для борьбы с Хивой несколько артиллерийских орудий. Но, по распоряжению Урусова, «в пушках Абулхаиру было решительно отказанно под тем предлогом, что в новозаложенных крепостях их находится очень мало» [9, с. 199].

Без поддержки России война Абулхаира против Хивы не могла закончиться ничем, кроме его поражения. При этом для самого Абулхаира это несло лишь определенную утрату позиций, так как, помня о том, что Абулхаир все же находится под протекцией Российской империи, хивинские владельцы всячески подчеркивали, что ведут войну не против Младшего Жуза, а против мятежных каракалпакских вождей, о чем ясно говорилось в соответствующих фирманах (указах), исходивших от правителя Хивы Ильбарс-хана II [23, с. 230]. Для российской администрации во главе с князем Урусовым подобное стечение обстоятельств было вполне приемлемо, так как позволяло Российской империи продемонстрировать исполнение принятых на себя обязательств по защите подданных от внешних угроз. Потворствование же захватническим амбициям своих подданных в перечень взятых обязательств не входило.

Но стечение внешнеполитических обстоятельств существенно изменило ход начинающегося конфликта. В этот же самый период в

пределы Средней Азии начинает совершать поход правитель Ирана Надир-шах, в период правления которого персидское государство переживало очередной подъем. Бухарский эмират сразу же признает зависимость от персидского властелина. Однако хивинский Ильбарс-хан решает вступить в борьбу с захватчиками, в которой терпит поражение и сам погибает [23, с. 233]. Находящаяся в растерянности хивинская знать, в качестве наиболее приемлемого выхода из возникшего кризиса, находит приглашение Абулхаира на ханский престол в Хиву. Очевидным является то, что приглашение на вакантный престол именно хана Младшего жуза было связано главным образом с тем, что последний находился в подданстве Российской империи, а потому вероятной была прямая военная поддержка в борьбе против персов. При этом сами хивинские беки не торопились приносить присягу России, надеясь в таком двояком положении пользоваться покровительством России, но фактически никак от нее не зависеть. 5 ноября Абулхаир официально провозглашается ханом Хивы [34, с. 191-193]. При этом никакого согласования между ним и российскими властями не происходит, в чем вновь ярко проявляется авантюристичность поведения хана и его необузданное стремление к расширению собственной сферы влияния. Однако в скором времени князь Урусов, как и в недавнем случае противостояния с Хивой, явно дает понять, что никакая поддержка Абулхаиру оказываться не будет, так как хивинское ханство не является территорией, находящейся в подданстве России [7, с. 151]. В связи с этим, уже 11 ноября, перед лицом наступающей персидской армии, Абулхаир оставляет Хиву, и откочевывает в пределы своего жуза. Взяв Хиву, Надир-шах поставил там марионеточного правителя Тагир-хана, обложил ханство данью и удалился в свои владения. Никакие попытки вторжения в казахские степи со стороны Ирана не предпринимались [23, с. 237]. В исторической науке закрепилось мнение (Акимбеков, Болатхан, Вяткин) о том, что, помимо чисто грабительских мотивов, главной целью Надир-шаха было

превентивное выставление заслонов на пути расширения влияния России в Азии [15, с. 617; 23, с. 240; 29, с. 295].

Таким образом, из вышеуказанного становится ясной следующая тенденция. В самом начале главным инициатором и проводником политики интеграции казахских земель в состав России был непосредственно хан Абулхаир, и допустимым даже будет сказать, что российская сторона в некотором плане являлась ведомой в этом процессе. Через небольшой промежуток времени, укрепив свое положение и более детально вникнув в конфигурацию сил внутри и вокруг казахской степи, имперские власти принимают на себя ведущую роль в начавшемся процессе присоединения казахских земель к России, не желая и далее смотреть на все глазами хана Младшего жуза. Для самого Абулхаира желанной целью было сохранение прежнего положения, а потому с его стороны и начинают делаться шаги, невыгодные для России, но оправданные с точки зрения ханских интересов. Со временем конфликт начнет все более и более нарастать.

2.1.2 Конфликт хана Абулхаира с остальной частью чингизидской аристократии, и его влияние на построение российско-казахских взаимоотношений (1740-1748)

События 1740 года привели к значительному ухудшению отношений между ханом Абулхаиром и российской стороной. Для Абулхаира очевидным было то, что при помощи России он не сможет добиться тех целей, которые он поставил перед собой [34, с. 200]. Более того, Оренбургская администрация, желая добиться лояльности как можно большего числа правителей-чингизидов, стремилась ограничить его возвышение. В то же время, в определенном смысле сдерживая устремления Абулхаира, российская администрация не отдавала

предпочтения кому-либо иному, к примеру тому же хану Среднего жуза Абулмамбету, и если речь шла о прямых интересах хана Младшего жуза в тех границах, которые были изначально очерчены, принимала его сторону [37, с. 265].

В первоначальный период для России могло быть выгодным создание в степи единого центра силы, на что, пожалуй, и рассчитывал Абулхаир в период принятия подданства, да и в последующие периоды. Однако реальная линия поведения российских властей, как становится ясным из указанного выше, оказалась совсем иной. Российские власти всячески старались сохранить несколько основных элитных групп, имевших влияние на ход процессов в степи. Причинами тому служило следующее: 1) Как уже говорилось, в Оренбургской администрации росло понимание внутреннего устройства казахской элиты, разбитой внутри себя не некоторое количество групп и кланов, очень ревностно относящихся друг к другу, а потому возвышение одних было неприемлемо для других. 2) В случае успешного создания некоторого подобия централизованного государства среди принявших подданство России казахов, которое в связи с первой причиной было очень сомнительным, подобное государственное образование могло оказаться впоследствии практически неуправляемым для самой России. Наличных российских сил в регионе и инструментов воздействия на процессы в степи, на данный исторический момент, у России было довольно немного [44, с. 167-168].

Показателен в этом отношении пример Калмыцкого ханства, которое, имея в сравнении с казахами довольно монолитную систему власти, старалось всячески подчеркивать свой суверенитет и преследовать собственные интересы, что было частой причиной конфликтов между российской администрацией и калмыцкой элитой [43, с. 54]. При этом важно отметить, что Калмыцкое ханство, во-первых, было полностью окружено землями, находившимися под юрисдикцией Российской империи, тогда как казахские степи соприкасались с другими государствами.

Во-вторых, численность калмыцкого населения была на порядок ниже численности казахов, даже с учетом того обстоятельства, что еще далеко не все казахи находились в подданстве России. В-третьих, калмыки, будучи буддистским народом, находились в своеобразной религиозной изоляции среди соседних кочевых народов, исповедовавших ислам [43, 63-64]. Перед казахами такая проблема не стояла, так как они могли свободно сближаться с другими мусульманскими народами.

Поэтому для России оказалось более выгодным сохранять ситуацию множественности казахских улусов, при которой каждый отдельно взятый улус не мог бросить вызова России напрямую. Сама же российская сторона охотно принимала на себя роль третейского судьи в конфликтах между улусами, которых в силу логики внутренней системы управления казахского народа просто не могло не быть. За счет этого авторитет и влияние России только росли [33, с. 131].

Такой подход Российской империи в отношении казахской элиты рождал недовольство со стороны некоторых ее представителей, считавших, что именно им оренбургская администрация должна оказывать первоочередную поддержку [1, с. 142]. Такое недовольство, естественно, имелось у хана Младшего жуза Абулхаира, чьи честолюбивые устремления не раз терпели крах в связи с позицией, занятой российской стороной. Однако, опытный и дальновидный политик, Абулхаир никогда не шел на открытую конфронтацию с Империей, не теряя надежды при ее помощи добиться осуществления своих замыслов, а также прекрасно осознавая то место, которое Россия начала занимать в политических процессах внутри региона, и то значение, которое это имеет для подвластного ему народа [34, с. 215].

Однако другой казахский владетель, а именно, хан Среднего жуза Абулмамбет, действовал в достижении своих политических целей гораздо менее избирательными методами. Не менее честолюбивый, чем Абулхаир, Абулмамбет, будучи сыном последнего признанного общеказахского хана

Болат, имел наиболее значимые права во внутренней борьбе за власть [1, с. 146]. В тот период, когда деятельность российской администрации была направлена на обуздание излишней ретивости Абулхаира, Абулмамбет всячески подчеркивал свою лояльность по отношению к России. Однако, осознав в начале 1740-х годов, что он не является фаворитом российской власти, так как у неё вообще нет явных фаворитов, начинает искать другую сторону, способную оказать гораздо более решительную поддержку [62, с. 63-64].

В связи с приходом к власти императрицы Елизаветы Петровны, князь Урусов в 1741 году был смещен с поста главы Оренбургской комиссии. Ненадолго должность занял Л.Я. Саймонов, но в скором времени новым главой Оренбургской комиссии был назначен Иван Иванович Неплюев [67, с. 87]. В июне 1742 года Абулхаир направляет И.И. Неплюеву в Оренбург послание, в котором содержалось донесение о том, что хан Абулмамбет и султаны Барак и Батыр (предводитель племени алимулы из Младшего жуза, не находившегося под фактической властью Абулхаира) ведут переговоры с правителем Джунгарского ханства Галдан-Цереном по вопросу принятия подданства. Между прочим упоминалось о том, что подобное предложение было сделано и в отношении самого Абулхаира, но хан, как верный подданный, сразу же его отверг. Далее в послании содержалось предложение о задержании неблагонадежных чингизидов и взятии их в аманаты (заложники), в чем Абулхаир обязался оказать свою помощь, в случае решительных действий со стороны России [7, с. 196]. Бросается в глаза личная заинтересованность Абулхаира в уничтожении своих внутривластных конкурентов. Его надежды основывались на том, что известия о готовящейся измене со стороны указанных правителей, полученные им по своим тайным источникам, вынудят российскую администрацию отказаться от прежней осторожной политики в отношении казахской чингизидской элиты и подтолкнуть ее к

крайнем мерам, то есть, к началу прямого военного похода российских войск против указанных владетелей [34, с. 221].

Однако обстановка была таковой, что Россия всячески старалась избежать крупномасштабных боевых действий в казахской степи. Причин на то было несколько: 1) Как уже упоминалось ранее, наличные боевые силы России в регионе были ограничены, большинство военных укреплений все еще находилось в процессе строительства. Передвижения сил из западных частей империи были сопряжены с большими трудностями и невероятными материальными издержками. Вдобавок российская, в основном сухопутная, армия была мало привычна к ведению боевых действий в условиях степной местности [30, с. 175]. 2) Выказывавший высокую степень лояльности по отношению к России хан Абулхаир, в отдельности, на тот момент, безусловно, являлся самым мощным из казахских владетелей. Но при этом совокупная мощь других трех чингизидов, обвиняемых в предательстве, не уступала возможностям Абулхаира [1, с. 159]. Поэтому полагаться на широкую поддержку со стороны народных масс было невозможно. 3) В случае начала прямого вооруженного конфликта существовала угроза его дальнейшего разрастания. Вполне вероятным было присоединение к нему Джунгарии и среднеазиатских ханств. Не вполне ясной была и позиция Цинского Китая, который мог занять крайне недружественную позицию по отношению к России [53, с. 288-289]. По этим причинам чрезмерно резкие шаги были для России не вполне уместными.

Тем не менее, вообще не реагировать на полученные от Абулхаира донесения было нельзя, это явно противоречило интересам империи и даже демонстрировало ее слабость. В конечном итоге Неплюев предпринимает следующий шаг. Уже находившимся под присягой России ханам Абулхаиру, Абулмамбету и султану Батыру, с несколькими прочими чингизидами отправляется приглашение, а по сути - указание, предписывающее к 8 августа прибыть в Орскую крепость, с целью

принесения присяги новой императрице Елизавете Петровне [7, с. 237, 240-242]. Что еще более важно, подобное предписание направляется и хану Бараку, под подданством России не состоявшему, и занимавшему самые крайние антироссийские позиции [7, с. 251-252]. При этом на церемонию в качестве почетных гостей приглашается еще и делегация со стороны Джунгарского ханства, которая должна была стать своеобразным свидетелем тех сфер влияния, на которые претендовала Россия. При этом послание недвусмысленно сопровождалось припиской о том, что отказ будет восприниматься в качестве недружественного шага по отношению к Российской империи [37, с. 283].

В результате 8 августа 1742 года намеченная церемония успешно состоялась. Вся казахская аристократия в очередной раз принесла клятву на верность, включая и хана Барака. Джунгарские представители присутствовали на данной церемонии [13, с. 177]. Данное действие было безусловным триумфом Российской империи, так как демонстрировало ее широкие возможности, без использования крайних мер. Причины, по которым все свершилось настолько быстро и относительно успешно для российской стороны, до сих пор вызывают споры среди научного сообщества Казахстана. По наиболее распространённой версии (сторонниками которой являются историки Абдиров М.Ж., Акимбеков С.М., Ерофеева И.В. и др.), главным фактором стал прямой контакт между Россией и Джунгарским ханством, правители которого, узнав о том, что тайные переговоры между ними и казахскими чингизидами больше не являются секретом для российской администрации, решили не развязывать открытой вражды с могущественной империей, и предпочли договориться о своеобразном распределении сфер влияния [13, с. 194; 16, с. 189; 34, с. 284]. Аргументом, подтверждающим данную версию, является то, что в последующий период 1742-1744 годов между Россией и Джунгарией прошла целая серия переговоров различного уровня, в целом разрешавших противоречия, существовавшие между государствами [60, с. 309-310].

Помимо заключения выгодного соглашения между Россией и Джунгарией нельзя отрицать появления опыта взаимодействовать с казахскими элитами. Несмотря на донесение о готовящейся измене, Неплюев предпочел восстановить статус-кво. В частности, всем казахским владельцам в момент принесения присяги была в очередной раз гарантирована полная защита их традиционных прав и свобод, при соблюдении с их стороны принятых на себя обязательств [7, с. 284]. Особой победой России видится приведение к принятию подданства хана Барака, бывшего главным проводником антироссийской оппозиции в степи. Судя по всему, Барак, видя невозможность, без мощной поддержки со стороны, продолжения избранной им политической линии, предпочел хотя бы формально примириться с Россией [12, с 43-44].

Однако подобное поведение оренбургской администрации вызвало резкое недовольство со стороны хана Абулхаира. Абулхаир, демонстрировавший наиболее высокий уровень лояльности по отношению к России, имел расчет на то, что его старания будут вознаграждены, в том числе путем кары его конкурентов. Но, как показала торжественная церемония 8 августа, каждый степной владелец оказался при своем прежнем положении, что, безусловно, стало причиной глубокой личной обиды для правителя Младшего жуза [34, с. 234].

В 1743 году Абулхаир начинает требовать от Оренбургской администрации вернуть из заложников его сына Кожамет, который находился в Сорочинской крепости. Со стороны Неплюева последовал решительный отказ, так как наличие аманатов было обусловлено заключенными договоренностями [34, с. 266]. Он рекомендовал дожидаться положенного срока, когда Абулхаир имел право обменять Кожамет на другого своего близкого родственника. Реагируя на отказ, Абулхаир совершил набег на ту самую Сорочинскую крепость и еще несколько возводимых населенных пунктов. В 1744 году набеги повторились в очередной раз. По мнению историка Ирины Ерофеевой, данные действия

были отражением конфликта между Абулхаиром и губернатором Неплюевым (в 1744 году территория, подконтрольная Оренбургской комиссии, была преобразована в Оренбургскую губернию), суть которого нами уже была детально разобрана [34, с. 271-273; 65, с. 7].

Немаловажную роль во внутривосточных процессах в казахской степи играла обстановка внутри и вокруг Джунгарского ханства. Джунгарская угроза вынуждала казахское общество придерживаться хотя бы минимальной степени централизации власти, а казахских чингизидов - сглаживать имеющиеся у них противоречия. Но в 1745 году влиятельный хан Джунгарии Галдан-Церен умирает. Его смерть приводит к началу междоусобной войны внутри самой Джунгарии, которая в довольно короткий срок, а именно, к 1755 году, приведёт к полному распаду данного государства и его поглощению Цинским Китаем [83, с. 68-69].

В казахской степи фактическое снятие Джунгарской угрозы привело к тому, что все большее количество более-менее влиятельных чингизидов и родоплеменных вождей начали проводить самостоятельную политику, перестав учитывать мнение своих прежних предводителей. Подобные процессы начались и в Младшем жузе. Султан Батыр, предводитель племени алимулы, и без того демонстрировавший слабую лояльность по отношению к хану, вообще перестал иметь с ним какие-либо взаимоотношения [78, с. 73-74]. Подобные тенденции стали распространяться и среди других родоплеменных подразделений.

Возникавшие в степи новые центры силы нуждались в своего рода легитимизации, признании законности их существования и гарантиях безопасности. Обеспечить подобную легитимизацию могли только силы извне. Таковых на тот момент, с учетом фактического ухода Джунгарии с политической арены, было лишь две. Это Российская империя и ханства Средней Азии [78, с. 75]. Последние, после персидского вторжения, все еще находились в ослабленном состоянии и не были способны активно вмешиваться в процессы на территории расселения казахов. Поэтому

именно Россия воспринималась в качестве единственного игрока, способного обеспечить достаточный уровень поддержки тому или иному степному владельцу [69, с. 156-158]. Что касается позиции самой российской администрации, то она в лице губернатора Неплюева охотно способствовала данным процессам.

Интерес России здесь вполне очевиден. Чем менее сильным был тот или иной казахский улус, тем в большую степень зависимости он попадал. Харизматичные лидеры, такие как Абулхаир, в обмен на верность требующие удовлетворения своих амбиций, и видящие в империи скорее союзника, чем патрона, заменялись на массу мелких вождей, заинтересованных лишь в сохранении личной власти, а потому гораздо менее беспокойных и более сговорчивых [67, с. 215].

Естественно, что данная политика еще более обостряла конфликт между Абулхаиром и российскими властями. Губернатор Неплюев, имевший личную антипатию к правителю Младшего жуза, не раз запрашивал в коллегии иностранных дел разрешение на применение по отношению к нему жестких мер военного характера. Но в Петербурге, помня прошлые заслуги хана, предписывали обходиться методами дипломатического свойства [34, с. 280-281] .

В январе 1748 году к Абулхаиру был направлен его давний знакомый Тевкелев, убедивший его встретиться с Неплюевым. Встреча состоялась в июне, в Орской крепости. Результатом встречи стало то, что султан Кожамет, все еще находившийся в статусе заложника, был обменен на другого сына, Айшуака. Со стороны Абулхаира вновь были заверения о его полной лояльности по отношению к России. По сути дела, этим встреча и исчерпалась [4, с. 257-262]. Но в глазах Абулхаира даже эта небольшая уступка со стороны оренбургской администрации выглядела как победа. Теперь он ощущал себя хозяином положения.

Вероятнее всего, Абулхаир полагал, что личную протекцию ему оказывают высшие власти империи, а потому с местной администрацией

считаться не обязательно. Доказательством данной версии являются следующие шаги, предпринятые с его стороны. В это же лето Абулхаир грабит свадебный караван, двигавшийся от хивинского хана Каипа к хану Бараку, с целью сватовства его дочери [34, с. 287]. Абулхаир не мог не осознавать того, что данный шаг вновь всколыхнет и без того тлевшее противостояние между ним и Баракком, а также хивинским ханом. Некоторые историки (Е.Б. Бекмаханов, С.З. Зиманов) указывали на то, что Абулхаир стремился своими действиями разрушить начавший оформляться союз между Хивой и Баракком, но, как станет ясно из дальнейших событий, действия Абулхаира лишь привели к его укреплению [21, с. 127; 36, с. 122]. На что же надеялся хан Младшего Жуза, вступая в прямой конфликт с двумя довольно сильными соперниками, чья совместная мощь превосходила его собственные возможности? Здесь имеется лишь одно объяснение. Абулхаир рассчитывал, что, как и в случае конфликта с Неплюевым, центральные власти империи примут его сторону и окажут действенную поддержку [34, с. 298].

Но данным планам не суждено было исполниться. Губернатор Неплюев в очередной раз характеризует деятельность Абулхаира, как его собственную авантюру, не имеющую ничего общего с интересами Российской империи [34, с. 302]. Для Абулхаира это становится фатальным. В ходе военного столкновения, произошедшего в конце лета 1748 года между ним и войсками Барака, опиравшегося на поддержку Хивы, Абулхаир был убит [34, с. 307].

Важно отметить, что смерть столь влиятельного правителя и фактического инициатора вхождения казахских земель в подданство Российской империи, не повлияла на положение России внутри казахской степи. Напротив, определенным образом она даже способствовала укреплению данного положения, так как хан Абулхаир все же являлся сторонником как можно большей самостоятельности казахского

государства, которое он рассчитывал воссоздать при содействии России [21, с. 98]. Своего рода идеальной моделью, которую стремился воссоздать правитель Младшего жуза, были взаимоотношения, установившиеся в определенный исторический момент между Цинской империей и Джунгарским ханством, при которой Китай способствовал формированию единого централизованного государства в Джунгарии, а также наращиванию его военной мощи, но при этом Джунгария служила для Китая своеобразным щитом против прочих кочевых народов, всегда беспокоивших оседлое земледельческое население [34, с. 318]. Речи о прямом подчинении джунгаров китайским властям не шло. Джунгария скорее выступала в роли младшего союзника, сохраняя полный суверенитет во внутренних делах, и лишь во внешней политике в определенной степени согласовывала свои шаги с интересами Цинского Китая.

Нечто подобное готовил для себя и хан Абулхаир, надеясь, при поддержке со стороны России, добиться воссоздания единого Казахского ханства, естественно, под его личным руководством. Замысел Абулхаира был для Российской стороны неприемлем по следующей причине. Численность населения казахской степи и размер ее территории были гораздо более масштабными, чем в Джунгарии, разобщенность же казахских родоплеменных подразделений была столь высокой, что даже наличие масштабной общей угрозы не могло, хотя бы в какой-то мере, примирить враждующие группировки [69, с. 180]. Степень же военного и экономического присутствия России в зоне непосредственного соприкосновения с территорией расселения казахов, была намного ниже, чем у Цинского Китая. А потому было практически невозможно одновременно изменить складывавшуюся веками систему. Ведь поддержать Абулхаира - значило настроить против себя все остальные чингизидские группировки. И, более того, родоплеменных вождей,

которые стремились к сохранению своего традиционного положения, и видевших в укреплении ханской власти прямую угрозу этому [66, с. 131].

Быстро вникнув в специфику внутреннего устройства казахского общества, российские власти начинают выстраивать, пожалуй, единственно возможную политическую линию, способную постепенно укрепить положение и существенно расширить влияние империи в регионе.

Данная линия, как уже становится ясным, выражалась в выстраивании прочного баланса сил между всеми центрами влияния внутри казахской степи. Она не допускала ни чрезмерного возвышения, ни полного падения ни одного из них. Тем самым, все степные кланы и группировки видели в России гарантию своей безопасности и сохранения своего положения [36, с. 185]. Такая политика привела к тому, что к началу 50-х годов Россия добилась, при весьма скромных наличных силах, довольно устойчивого положения. Несмотря на полное снятие внешней угрозы со стороны Джунгарского ханства, речи о снижении российского присутствия не шло [33, с. 183]. Напротив, все новые и новые казахские родоплеменные подразделения стремились к переходу в подданство России, так как именно Россия, в значительной степени, способствовала сохранению традиционного жизненного уклада и в меньшей степени, чем кто-либо, навязывала свои собственные порядки [69, с. 179-180)].

2.2 Взаимоотношения российских властей и казахских элит в период правления хана Нуралы (1748-1786)

После убийства Абулхаира на ханский трон в Младшем жузе был возведен его сын Нуралы. Пришедший к власти новый хан не обладал всей полнотой власти в рамках своего жуза. Многочисленное племя алимулы находилось под контролем чингизида Батыра Каипулы, провозгласившего себя ханом и претендовавшего на власть во всем жузе, а некоторые роды,

кочевавшие в районах Приаралья, подчинялись правителю Среднего жуза Абылаю [16, с. 170]. К тому же немаловажными были личностные качества хана, не отличавшегося силой воли, выдающимися умственными способностями или физической силой, что не добавляло ему авторитета среди степного народонаселения [78, с. 78].

В этих условиях главным способом для поддержания своего положения в степи и устранения риска лишения власти, со стороны Нуралы было избрано как можно более тесное взаимодействие с российскими властями [57, с. 59]. Со стороны оренбургской губернской канцелярии, а также коллегии иностранных дел, отношение к Нуралы было весьма положительным. Отчасти причиной было то, что отцом Нуралы являлся хан Абулхаир. Несмотря на то, что в последние годы правления Абулхаир, хоть и проводил акции, имевшие по отношению к России несколько враждебный характер (пытаясь тем самым сохранить свое исключительное положение в казахской степи), однако же тот факт, что именно благодаря ему начался процесс вхождения казахов в подданство России никогда не ставился под сомнения. А потому заслуги отца как бы распространялись и на сына [58, с. 63-64].

Сам Нуралы не на словах, а на деле демонстрировал свою преданность имперским властям. В период башкирского восстания 1755 года силы, подчиненные хану Младшего жуза, принимали непосредственное участие в его подавлении, после чего для него было существенно увеличено ежегодное материальное довольствие, выплачиваемое оренбургской администрацией [40, с. 452].

В 1763 году императором Петром III издается указ, окончательно запретивший казахам перекочевывать и устраивать выпасы на внутренней по отношению к России (правой) стороне реки Яик (Урал). Причинами тому стали следующие обстоятельства. 1) Устранение возможности для взаимных набегов между калмыками и казахами. 2) Расширение территории, передаваемой в собственность яицких казаков [22, с. 39-40].

Российские власти осознавали, что этот указ может привести к недовольству и акциям неповиновения среди кочевого населения. Задача предотвращения возможных отрицательных последствий была возложена на хана Нуралы. На тот момент его ресурса оказалось достаточно для этого [69, с. 264].

В 1760 году хан Нуралы, при поддержке и одобрении Российской империи, совершает поход против туркмен на полуостров Мангышлак, территория которого издревле была спорной между казахским и туркменским народами [58, с. 82]. Данный поход был выгоден и хану, так как тот расширял свои владения, и России - по той причине, что, расширяя территорию казахов, империя увеличивала и свою зону влияния, а также наносила удар по возможностям Хивы, так как туркмены находились в подданстве хивинского хана [29, с. 272-273].

Цепь событий, спровоцированная данным походом, приводит к тому, что в 1770 году, в качестве нового хана, на хивинский престол призывается сын Нуралы Булекай, а туркменам в качестве правителя навязывается другой сын – Пирали [23, с. 329]. После этого между Хивинским ханством с одной стороны, и Младшим жузом и Российской империей - с другой, устанавливается относительный мир и начинают активизироваться торгово-экономические связи.

В 1771 году, в ходе так называемого Пыльного похода, то есть попытки калмыков по призыву китайского императора перекочевать на пустующие земли Джунгарии, Нуралы оказывает активное сопротивление перемещению калмыков. Подобная деятельность хана была высоко оценена российской администрацией [43, с. 179-182, 185].

В результате удачных действий на Мангышлакском и Хивинском направлениях, а также разгрома калмыков, положение хана Нуралы заметно упрочилось в среде властей империи, видевших в нем своего наиболее верного сторонника [28, с. 281-282]. Хорошо осознавая это, Нуралы начинает предпринимать шаги по укреплению своего положения

непосредственно внутри своих владений. В пользу ханского клана начинают отчуждаться наиболее выгодные пастбищные угодья. Также хан исподволь предпринимает попытки по приведению к власти над родоплеменными подразделениями верных лично ему людей, что, естественно, вызывало недовольство родовой старшины, усматривавшей в этом ущемление своих традиционных прав [28, с. 284].

В 1773 году на Яике вспыхивает восстание под предводительством Емельяна Пугачева. К восставшим начинают присоединяться и недовольные представители из казахов, под руководством племенных вождей, видевших в восстании возможность защиты своих интересов, а также некоторых невлиятельных чингизидов, надеявшихся при помощи Пугачева добиться собственного возвышения. Среди них - родственники хана Нуралы Ералы и Досалы [47, с. 168-170].

На начальном этапе восстания, когда Младший жуз оказывается полностью отрезанным от территорий, контролируемых официальными российскими властями, а повстанцы достигли значительных успехов, хан Нуралы занимает выжидательную, нейтральную позицию [79, с. 215]. Ему удается удержать от участия в восстании большую часть своих подданных, в отличие от хана Среднего жуза Абылая, который не создавал преград для желающих принять в нем участие, так как видел в нем возможность ослабления контроля России над казахской степью [8, с. 37]. Однако никаких действий, направленных против сил Пугачева, Нуралы в 1773 году не предпринимал. В сущности, для этого у него и не было возможности. Во-первых, будучи полностью окруженным территориями, охваченными восстанием и учитывая его размах, Нуралы обладал слишком ограниченными силами для того, чтобы вступить в прямой конфликт с Пугачевым. Во-вторых, Пугачев, выдававший себя за императора Петра III, создавал тем самым неразбериху для ханского окружения по вопросу о том, кто же истинный правитель империи [29, с. 297-298].

Впоследствии Нуралы всячески пытался оправдать свою нерешительную позицию в начальный период пугачевского восстания. В своем письме, написанном императрице Екатерине II 15 мая 1774 года, Нуралы, по всей видимости, с целью как можно более возвысить себя в глазах государыни, сообщает, что направлял военный отряд во главе со своими сыновьями на поддержку подполковника Симонова, являвшегося в тот момент комендантом Яицкого городка. «Но упавший по дороге великой снег и бывшая тогда вьюга, и непогода принудили из войска обратно возвратиться» [8, с. 51]. Далее, в этом же послании хан описывает то, почему он сам не принял участия в боевых действиях против Пугачева: «Я, собрав войско, до четырех тысяч, имел намерение вступить с злодеями в сражение, но по несчастию переломил ногу, и потому сам не мог при войске быть, а отправил брата своего Айчувак-солтана и детей Мухамедалия и Джиналия, но и они, не доходя Яицкого городка, принуждены возвратиться, ибо от великой непогоды много лошадей попадало» [8, с. 52]. Несмотря на то, что все это с любой точки зрения выглядело как явные отговорки, тем не менее, их заискивающий тон показывал готовность Нуралы к началу решительных действий. По этой причине в обратном адресе от императрицы Екатерины говорилось: «не оставляем еще тебя и похвалять за прошедшие твои благоразумные и с должностью подданства совместные поступки» [8, с. 75]. В письме указывалось, что Нуралы для еще большего доказательства своей преданности российской короне нужно решить вопрос с «продерзкими киргиз-кайсаками» [8, с. 76], то есть, с теми из казахов, которые все же приняли участие в восстании Пугачева. Параллельно с письмом хану Нуралы императрица направляет письмо и губернатору Рейнсдорпу, в котором указывалось, что «если он (Нуралы - *Прим. авт.*) по-прежнему будет терять время в пустых обнадеживаниях», в таком случае «дается Вам совершенная воля поступать со злодействующими киргиз-кайсаками со всею строгостью, направляя на ближние их улусы для поисков

достаточные команды» [8, с. 79]. После этого со стороны Нуралы действительно происходит активизация военных действий, направленных против восставших, в основном против формирований, в которых находились личные недруги хана [25, с. 110].

После подавления восстания Яицкая крепостная линия (и так сильно пострадавшая во время исхода калмыков 1771 года) была практически полностью разрушена. Яицкое казачье войско, бывшее одной из главных движущих сил восстания, попадает в опалу к российским властям. Пользуясь сложившейся обстановкой, Нуралы, подталкиваемый родоплеменной верхушкой, разрешает своим подданным возобновить кочевья на западном берегу Яика [70, с. 192]. Этот шаг был прямым нарушением ранее изданных указов царской власти. То, что довольно преданный России Нуралы все же осмелился на это, демонстрировало общее ослабление позиций России в результате Пугачевского восстания [58, с. 103]. Не найдя лучшего выхода, коллегия иностранных дел 7 ноября 1775 года издает указ, разрешавший казахам кочевку на левобережье Яика, но лишь в зимний период [28, с. 186]. В сложившейся ситуации это было компромиссом. В качестве основания для этого решения была названа благодарность за участие в подавлении недавнего бунта [8, с. 62].

Некоторое ослабление позиций Российской империи в регионе было лишь временным явлением. Оправившись от потрясений пугачевского мятежа и извлекая выгоды от Кучук-Кайнарджийского мирного договора (заключен в 1774 году), Россия в скором времени стала располагать довольно внушительными свободными силами, которые были направлены, в том числе и на укрепление и дальнейшее продвижение позиций в казахской степи и далее - в Средней Азии [30, с. 219]. К этому подталкивала и вся логика сложившейся обстановки, так как после событий, связанных с подавлением башкирского восстания 1755-1756 годов, попытки переселения калмыков в Джунгарию 1771 года, и существенного ослабления яицкого казачества после восстания 1773-1775

годов, казахи являлись единственным кочевым народом на южной окраине империи, сохранявшим полунезависимое положение [16, с. 184].

С 1775 по 1782 год сохранялась относительно стабильная ситуация. В декабре 1782 года издается указ о возможности перегона скота на западный берег Урала (так в 1775 году была официально названа река Яик) лишь при условии предварительного найма пастбищных угодий [8, с. 86]. Сама же территория из собственности короны вновь передавалось в пользование уральского казачьего войска [28, с. 187]. Данные действия сделали кочевку на левобережье практически невозможной, так как казаки либо крайне завышали цены, либо вообще отказывали в предоставлении аренды земельных участков, ссылаясь на то, что скот казахов травит заготовленное ими сено [28, с. 189].

Указ, изданный в самый разгар зимней кочевки, наносил сильный удар по экономике степного народонаселения. Правобережье Урала истари являлось важнейшей территорией для казахов Младшего жуза. В силу своего природно-климатического положения, оно было меньше подвержено выпадениям снеговых покровов и низким температурам, благодаря чему позволяло благополучно переживать зимний период, традиционно бывший для кочевников самым рискованным [73, с. 32-33]. Оказавшись неожиданно отсеченными от данной территории, степняки оказались застигнутыми врасплох. Они были вынуждены спешным образом перестраивать маршруты и отправляться в неудобные для зимовья места, преодолевая при этом значительные расстояния. Вдобавок зимний период 1782-1783 годов оказался довольно суровым и снежным. Все это вместе привело во многих местностях к большому снижению поголовья скота, что вело к повышению уровня недовольства среди степного народонаселения [39, с. 371].

Дополнительное социальное напряжение возникало в связи что верхушка Младшего жуза, в первую очередь хан Нуралы и его родня, окружение и ближайšie сторонники, пользуясь хорошими отношениями с

оренбургской администрацией, получили доступ к зимним пастбищам на правом берегу Урала, благодаря чему без ущерба преодолели зимний период [58, с. 114]. В глазах рядового народонаселения данный факт выглядел как явное ущемление его интересов, а также как прямое предательство и открытое пренебрежение со стороны ханской верхушки, и так не отличавшийся широкой поддержкой со стороны народа. Нуралы теряет остатки авторитета, чем пользуются его соперники [28, с. 191].

Весной 1783 года в степи разгорается восстание. Его главной движущей силой становится многочисленный род байбакты, наиболее пострадавший от запрета на перегон скота на правом берегу Урала. Предводителем восставших становится один из видных сторонников Е. Пугачева, бий Сырым Датулы [28, с. 192-193].

Восстание на первоначальном этапе носило скорее стихийный, чем организованный характер. Действия повстанцев выражались в набегах на аулы и стоянки ханских сторонников, приграничные укрепления и грабеже торговых караванов [28, с. 194]. Именно последнее вызывало у российских властей наибольшее негодование, так как негативно сказывалась на экономике. 3 июля 1783 года Екатерина II направляет письмо Уфимскому и Симбирскому генерал-губернатору (Уфимское и Симбирское генерал-губернаторство было образовано в 1781 году; в его состав вошли обширные территории, в том числе Оренбургский край и земли казахов) генералу Акиму Ивановичу Апухтину (занимал должность в 1783-1784 годах [58, с. 1140]), в котором требует о «пресечении всех подобных шалостей с их (казахов - *Прим. авт.*) стороны». Но добавляет к этому следующее: «не могу, однако ж, оставить без примечания, что как токовые нападения их не могут быть без какого-либо повода, и особливо, не подаст ли к тому причины поведение каких-либо на границе начальников», далее по тексту следует: «ежели бы ханы и султаны, получа известие от вас или оренбургского коменданта, отклоняли или упорствовали доставить удовлетворение потерпевшим, в таком случае можно прибегнуть к

репрессалиям над киргисцами» [8, с. 107]. Отсюда видно, что центральные власти требуют не просто остановить повстанческие силы, но и выявить виновников произошедшего, а также принять системные меры, которые не позволят в будущем повториться чему-то подобному.

Хан Нуралы в сложившейся ситуации оказывается в довольно тяжелом положении. Приграничная администрация начинает прилагать все усилия к тому, чтобы выставить именно его и его ближайшее окружение в качестве главного виновника, допустившего начало восстания, для того, чтобы отвести возможные риски от самих себя [58, с. 118]. С другой стороны, большая часть собственных подданных либо вела против него активные действия, либо, по крайней мере, вышла из прямого подчинения.

В конце 1783 года во время одной из стычек, недалеко от форпоста Тополинский, уральские казаки разбивают мятежный отряд казахов, планировавших набег, и захватывают в плен самого Сырыма Датова, после чего его судьба кажется окончательно решенной [28, с. 197]. Как участник пугачевского восстания, скрывавшийся в степи, инициатор нового антиправительственного бунта, причастный к грабежу и работоторговле (восставшими были захвачены в плен казачий старшина Чаганов и еще некоторое количество казаков, которые были проданы на невольничьих рынках Хивинского ханства [23, с. 365]), Датов мог рассчитывать лишь на один приговор со стороны имперского суда - смертную казнь. Тем не менее, события разворачиваются по-другому.

Раньше, чем до официальных российских властей, весть о пленении Сырыма доходит до хана Нуралы, который начинает прилагать все усилия к тому, чтобы казаки не передавали Датова в руки оренбургского коменданта, а отдали его лично ему. Щедро одарив казачью верхушку, и представив дело таким образом, что он желает лично, согласно степным обычаям судить и карать Датова, Нуралы добивается своего. Но после состоявшегося выкупа отпускает Сырыма на волю [28, с. 199-200].

Подобное странное поведение вызывает множество вопросов. Сырым Датов был главным критиком и угрозой для хана Нуралы, главным требованием восставших было именно смещение хана. Однако он идет на подобный шаг. Ведущий исследователь восстания 1783-1797 годов Михаил Вяткин объясняет данный инцидент следующим образом. Нуралы, оказавшийся в очень сложном положении, пытался вернуть на свою сторону утраченную народную симпатию. В глазах населения Младшего Жуза «он (Нуралы – *Прим. Авт.*) окончательно превращается в царского чиновника, носящего титул хана, становится представителем не казахской государственности, а русской государственности в казахской степи» [28, с. 189]. Возможно, жест, связанный с Датовым, преследовал следующие цели. Во-первых, продемонстрировать степному населению самостоятельность Нуралы как политического субъекта, способного принимать собственные решения, а также в некотором смысле задобрить народ освобождением человека, пользующегося большим авторитетом в степи. Во-вторых, сделать самого Сырыма в некотором смысле обязанным, а, следовательно, и зависимым от хана, и при его помощи добиться полного прекращения повстанческих действий. Таким образом Нуралы рассчитывал и удержать в подчинении степные племена и восстановить былое доверие со стороны российских властей, путем прекращения восстания [28, с. 201-202].

Но, как показало дальнейшее развитие событий, расчет хана оказался полностью беспочвенным. Вырвавшись из заточения, Сырым Датов не только не прекратил, но, напротив, активизировал действия отрядов восставших. Со стороны подданных жест Нуралы был истолкован не в качестве благородства и влияния правителя, а как признак его бессилия [67, с. 220].

Самоволие хана и последовавшие затем события были крайне негативно восприняты имперскими властями. Свидетельством этому служит то обстоятельство, что с августа 1783 года царские власти

начинают вступать в прямой диалог с Сырым Датовым и другими племенными предводителями, как с силой, которая действительно способна оказывать влияние на степные дела, минуя при этом хана Нуралы [28, с. 204].

Подобная политика начала приносить свои плоды - обстановка в степи несколько стабилизировалась, вследствие чего с июля 1785 года возобновили свое проведение Оренбургская и Троицкая ярмарки, что было бы невозможно при сохранении военной угрозы [21, с. 193]. Причем ярмарки имели широкий размах. Оренбургская ярмарка в итоге функционировала с июля по октябрь. Русскими купцами у казахов было приобретено около 1800 лошадей и 190 тыс. овец, не считая остальных товаров кочевого хозяйства. Казна Империи только в виде налогов извлекла чистой прибыли 210 тыс. рублей [18, с. 260-261]. Сумма довольно внушительная, учитывая, что собрана она была исключительно в одном, особо крупном городе, по сути, на самой окраине России. К тому же, в тот период Российская империя остро нуждалась в любых финансовых вливаниях. Общий доход колебался в районе 50 млн. рублей, а расходы достигали 62 миллионов, так как огромные средства тратились на освоение Новороссии. Таким образом, ярмарка в Оренбурге, без учета других более мелких ярмарок, а также транзитной торговли через казахскую степь, давала примерно 0,4 % дохода империи [49, с. 34].

В свете сложившихся событий хан Нуралы лично, и ханская власть в Младшем жузе вообще, начали представляться российским властям как некие излишние элементы, существование которых только подрывает позиции империи в степи, являются фактором раздражения для рядового народонаселения, над которым уже по факту не имеют никакого контроля, а помимо этого, оттягивают на себе финансовый ресурс, так как хан и его окружение получали регулярное жалование, а также часто обращались за дополнительным денежным вспомоществованием [28, с. 212-213]. Вдобавок само существование ханского титула как бы указывало на

особенность положения Младшего жуза, который, скорее, представлял собой протекторат, нежели составную часть Российской империи. Помимо казахов, на тот исторический момент ни один малый народ уже не обладал подобного рода самостоятельностью [30, с. 231]. В результате данных обстоятельств, сохранение Нуралы в качестве хана Младшего жуза все меньше соответствовало интересам России в регионе.

2.3. Взаимоотношения российских властей и казахских элит в период нестабильности 1786-1797 годов

2.3.1. Реформа О.А. Игельстрема, как прямая попытка российских властей по переустройству традиционной казахской элиты. Причины ее неуспешности и последствия (1786-1791)

В конце лета 1785 года новый глава Уфимского и Сибирского наместничества Осип Андреевич Игельстром направил в степь ахуна (мусульманского богослова) Мухамеджана Хусаинова, для переговоров с казахской родо-племенной элитой [28, с.207]. В результате данной миссии в Оренбург доставляется письмо, подписанное предводителями практически всех родов Младшего жуза, включая и Сырыма Датова, в котором те просят губернатора Игельстрема передать императрице Екатерине II их просьбу об отстранении от правления всех потомков хана Абулхаира [8, с. 111], то есть хана Нуралы, а также всех его родичей (так как передача ханского титула кому-либо из его братьев или сыновей не изменила бы ситуации, в силу того, что власть оставалась бы в руках того же правящего клана).

Переправив полученное послание в столицу, Игельстром этим не ограничивается и начинает проводить более решительные меры. Уже в сентябре по его настоянию собирается еще один совет родоплеменной знати, на котором российская сторона была представлена не в лице какого-

либо тайного посланника, а официальной делегацией [58, с. 122]. Она продвигала идею о том, что старшины должны просить не просто отстранения от власти Нуралы и его семьи, а упразднения самого ханского титула в Младшей Орде. В частности, говорилось: «соответственно их желанию полезнее и выгоднее для киргизцов было бы не иметь никакого хана, а зависеть без посредства от учрежденного в Оренбурге Пограничного суда и главного пограничного начальника» [8, с. 113].

Такое предложение было понятным с точки зрения интересов Российской империи, так как усиливало ее позиции, делая территории и население Младшего жуза более подконтрольными. Однако для казахской родовой знати вопрос не являлся столь очевидным. С одной стороны, традиционное для степи стремление родоплеменной верхушки к как можно большей самостоятельности подсказывало, что в отсутствие хана каждый будет лично вести взаимоотношения с приграничными властями и выстраивать их в выгодном ключе. К тому же, отсутствие хана освобождало от многих повинностей, связанных с ним. Но, с другой стороны, в более долгосрочной перспективе усматривалась полная или, по крайней мере, существенная утрата политического веса, на фоне полной потери какого-либо единства, так как ханская власть играла, в первую очередь, консолидирующую роль, придавая разобщенным племенам и родам хотя бы некоторую форму государственного устройства, что позволяло отстаивать собственные интересы перед Российской империей. Ни один род, даже самый многочисленный, в отдельности уже не был бы способен на это.

Учитывая все более нарастающую мощь Империи и усиление ее позиций в регионе, родоплеменная знать уклонилась от принятия предложения российской делегации, согласившись до конца отстаивать лишь ранее достигнутые договоренности по смещению с трона хана Нуралы [29, с. 209]. В качестве кандидата на титул родовая знать назвала султана Каипа, сына самопровозглашенного хана Батыра который имел

широкое влияние в юго-восточной оконечности Младшего жуза, в основном среди родов торткара и шекты племени алимулы. По их мнению, данная фигура была наиболее удобной, так как Каип обладал довольно ограниченным влиянием и возможностями, а потому должен был бы руководствоваться интересами родоплеменной знати [57, с. 94-95]. Для имперской же администрации персоне Каипа была полностью неприемлема. Во-первых, Каип некоторый период находился на хивинском троне и мысли по его возвращению не оставлял. При благоприятных обстоятельствах этот факт мог быть использован и в интересах России. Но султан Каип представлял ту группу чингизидов и прочей степной знати, которая стремилась к как можно большему дистанцированию от Империи и сближению с ханствами Средней Азии [57, с. 97]. Во-вторых, в планы приграничной администрации, в лице губернатора Игельстрома, уже окончательно вошел полный отказ от ханской власти в Младшем жузе [58, с. 120]. По итогу, встреча не привела ни к чему: компромисса достичь не удалось, а волнения продолжились.

По мнению Вяткина М.П., данные дипломатические ходы являли собой попытку барона Игельстрома как можно мягче и эффективнее провести в жизнь ряд намеченных им преобразований, создав в степи широкую социальную базу, готовую принять и поддержать нововведения. Такой базой, как мы видим, должны были стать представители родоплеменной, «народной» элиты, веками находящейся в конкуренции с чингизидской аристократией. К тому же, исходящие от самого степного народонаселения инициативы (а именно так губернские власти и старались представить дело) могли быть более благоприятно восприняты в Петербурге [28, с. 211-212].

Тем не менее, по указанным выше причинам данный замысел терпит неудачу. По этой причине Игельстром, не отказываясь от намеченного, начинает действовать более решительно и открыто. В начале 1786 года хану Нуралы приказывают покинуть территорию Младшего жуза,

правителем которого он еще формально являлся, и находиться в Оренбурге. 6 июня его официально низвергают из ханского достоинства. В качестве дальнейшего места пребывания бывшему хану указывается город Уфа, в котором он и прожил вплоть до своей смерти в 1790 году [40, с. 489-490].

После смещения хана императрице Екатерине II направляется проект реформирования системы управления Младшей Орды. Согласно ему, ханский титул должен был быть упразднен. Центральным органом, осуществляющим управление над данной территорией, должен был стать Оренбургский приграничный суд. В приграничный суд на равных должны были бы входить царские чиновники и представители казахской элиты, по 6 человек с каждой стороны, но при этом сам суд был всецело подчинен генерал-губернатору, т.е. самому Игельstromу. Кроме того, предполагалось и учреждение трех расправ, согласно основным племенным подразделениям Младшего жуза - алимулы, байулы и жетыру. В расправу должны были входить председатель (глава племени), два заседателя, избираемые от родоплеменной знати, а также один представитель от мусульманского духовенства. В функции расправы должна была войти судебная власть, и в целом управление процессами в племенах. При этом состав расправы, хоть и формировался местной знатью, но утверждался приграничным судом, т.е. губернатором [29, с. 214-215]. Отсюда мы можем увидеть, что реформы, предлагаемые Игельstromом, были первой попыткой, со стороны российских властей, внутреннего администрирования казахских кочевий, пусть и опираясь на традиционное родоплеменное деление казахского народа, а также переустройства властной и элитной системы. Предложенный проект был утвержден центральными властями [16, с. 187].

Проект реформы был в первую очередь направлен против чингизидской аристократии и рассчитан на поддержку со стороны родоплеменной верхушки. Причины, побудившие местную

администрацию так резко поменять вектор своей ориентации, не находят однозначного объяснения. М.П. Вяткин указывает на то, что, по сути, единственным инициатором реформы был лично О.А. Игельстром, а потому решающую роль сыграли его личные представления о процессах, происходивших на территории Младшего жуза [28, с. 215]. Солидарность с данной точкой зрения высказывает историк С. Акимбеков, дополнительно указывая на то, что ставка, делавшаяся на чингизидов ранее, полностью не оправдалась (ситуация с Абулхаиром). Для чингизидов естественным было желание расширения своего влияния, а их наднациональный статус давал им возможность включаться в процессы, происходившие среди окрестных народов [16, с. 188]. На тот исторический момент это уже не вполне соответствовало интересам России. Родовая знать вселяла гораздо больше доверия и, как было показано раньше, гораздо эффективнее, чем ханская власть, контролировала процессы внутри казахской степи.

Однако чингизидская аристократия отнюдь не была готова так легко утратить своё исключительное положение. В августе 1786 года сын хана Нуралы, султан Есим, захватывает в плен Сырыма Датова и укрывает его в одном из аулов своего дяди, султана Ералы, еще сохранявшего влияние над некоторыми родами племени жетыру, и ставшего, по сути, после смещения Нуралы лидером клана наследников Абулхаира [28, с. 235-236]. В качестве объяснения этого действия наиболее вероятным кажется то, что за счет пленения Сырыма Ералы рассчитывал дополнительно дестабилизировать обстановку в жузе, а также на то, что, потеряв своего предводителя, родоплеменная верхушка будет не способна сохранять единство своего лагеря и выступать перед лицом российских властей, как единое целое. Тем самым будет продемонстрирована невозможность установления в степи стабильного положения без участия чингизидов. Также пленение Сырыма могло рассматриваться кланом Абулхаира, как способ возвращения из ссылки хана Нуралы, путем обмена их друг на друга [57, с. 127-129]. Однако данная версия ничем не подтверждена.

Несмотря на все это, в сентябре вновь собирается съезд родоплеменной знати, на котором российская делегация презентует вариант новой системы управления, а также вновь поднимается вопрос о прекращении волнений. По результатам съезда казахская родоплеменная старшина дает свое согласие на учреждение Пограничного суда и упразднение ханской власти, но при этом временно отказывается от рассмотрения вопроса, касающегося введения расправ, ссылаясь на то, что не может его рассматривать в отсутствие Датова. В качестве уступок старшина пытается добиваться для себя следующего. Казахам вновь разрешается свободная перекочевка на западный берег Урала, без каких-либо предварительных условий, но лишь в зимний период. А также российские власти берут на себя обязательство способствовать в деле поиска и освобождения С. Датова [28, с. 239].

Такой результат съезда был довольно удачным компромиссом. Российская сторона в лице генерал-губернатора Игельстрема достигла пусть частичной, но реализации намеченной реформы, которая должна была повлечь укрепление ее позиций, а также был снят вопрос о провозглашении казахами ханом не желательного для России султана Каипа Батырова [58, с. 126]. Казахская родовая элита и стоящее за ней население получили искомые экономические выгоды. В целом обрисовалась перспектива прекращения постоянно волновавшего степь повстанческого движения, которое наносило ущерб обеим сторонам, так как вредило экономической жизни в крае, а также сопровождалось ответными мерами царского правительства [51, с. 106].

В рамках исполнения взятых на себя обязательств по освобождению Сырыма Датова, Игельстром начинает оказывать давление на султана Ералы и направляет к нему послание, где, помимо прочего, затрагивается и вопрос, связанный с Сырымом, в следующей формулировке: «Я уверен, что вы, конечно не будете упорствовать в задержании его более у себя и воздержитесь причинить ему какое-либо прискорбие» [8, с. 117]. Однако

данное послание, выдержанное в довольно мягкой, уважительной форме, не возымело успеха. Ералы не отпустил Датова на волю. Тогда к нему направляется еще одно послание, в котором речь идет уже непосредственно о судьбе пленного и говорится, в частности, следующее: «ежели вам, высокопочтенный султан, противным кажется, что большая часть из народа вопреки прежнему прочному их состоянию, ныне по собственным советам действует, то могу сказать Вам, что Государыне не начальники, но народ и верность его нужна» [8, с. 121]. В данной формулировке явно указывается на то, что ни Ералы, ни другие султаны-чингизиды больше не представляют для российской стороны большого интереса, а приоритет отдается другой элитной группе - родоплеменной старшине, ведущим представителем которой Датов и являлся. А потому со стороны России для его освобождения вполне может быть применена сила.

Суть послания была верно понята султаном Ералы. Осознавая всю опасность прямого конфликта с российскими властями, а также то, что собственные силы чрезвычайно ограничены, а симпатии большинства населения склоняются на сторону Датова, Ералы освобождает последнего из заточения в августе 1787 года [28, с. 247]. Это демонстрирует, насколько ослабленными стали позиции клана Абулхайра, и вообще чингизидов, в Младшем жузе к тому времени.

Освобожденный Датов пишет благодарственное послание, причем на имя самой императрицы, сообщая следующее: «А затем как усердно желаю, так и всевозможно старатца не премину обе киргизские орды, Среднюю и Меньшую, с помощью ево ж, создателя, под освещенную державу В.и.в. привести в подданство. За што надеюсь, што Ваше величество высочайшей своей матерней милости меня, верноподданного, не оставите. А в протчем, што мне до службы В.и.в. касательное повелено будет, не пощада живота и жизни моей, исполнять старатца» [8, с. 119].

В связи с освобождением Датова из плена, в сентябре 1787 объявляется съезд родоплеменной старшины, на котором речь идет о

формировании расправ. В целом съезд проводится довольно удачно для российской стороны. Вопрос о расправах был согласован, но при принесении традиционной присяги на верность России, Сырым Датов и еще несколько влиятельных родовых предводителей уклонились от данного действия, ссылаясь на то, что сделают это после выборов членов расправ, которые были назначены на 16 октября [28, с. 249-250].

В этот же период верные Сырымгу люди атаковали подконтрольные султану Ералы и прочей его родне аулы, а также связанные с ними торговые караваны. В этом действии принято усматривать как личную месть со стороны Датова, так и его стремление к окончательному уничтожению влияния клана Абулхаира [16, с. 193].

В этой связи султан Есим, сын Нуралы, обращается с посланием к Игельstromу, в котором просит либо заступничества со стороны губернатора, либо позволения на откочевку к берегу Сырдарьи [8, с. 121-123]. В ответном письме Игельstrom сообщает следующее: «Вы, удаляясь от здешних мест и оставя фамилию отца вашего без призрения, предприняли такие дела, которая ясно обличают вас в неблагодарности и нарушения подданнической верности» [8, с. 124]. Далее называются все те проступки, которые были совершены кланом Абулхаира, к которым, в частности, относят пленение Датова, грабежи караванов, неисполнение данных поручений. Но далее добавляется следующее: «Я готов преподать Вам мое пособие в доставлении Вам от ее императорского величества все милостивейшего прощения, когда буду точно уверен, что раскаяние ваше искренне» [8, с. 124]. Игельstrom указывает на то, что в постигших клан Абулхаира бедствиях во многом виноваты сами его предводители, но все же он не одобряет откочевки султанов на юг и стремится оставить их на прежнем месте, обещая при этом прощение со стороны императрицы, что можно трактовать как гарантии безопасности, при условии «искреннего раскаяния», то есть полного подчинения.

Возникает вопрос: с какой целью барон Игельстром стремился удержать клан Абулхаира, к ослаблению которого он сам прилагал все силы, на прежнем месте. Можно предположить, что, с одной стороны, существовало опасение, что, уйдя к Сырдарье, то есть максимально удалившись от российских приграничных укреплений, а значит, выйдя из зоны досягаемости, султаны начнут из жажды мести и стремления к восстановлению своего положения проводить недружественную по отношению к Российской Империи политику, войдут в отношения с ханствами Средней Азии и т.д. С другой, обнаружившаяся самостоятельная позиция Сырыма Датова также не могла не вселять определенного беспокойства, поэтому просто необходимо было сохранять потенциальный противовес, который можно было бы использовать в любую минуту [16, с. 193-194]. В пользу этого также свидетельствует тот факт, что в степь в скором времени был отпущен султан Айшуак, еще один брат Нуралы, задержанный еще в 1785 году по обвинению в налете на приграничные укрепления с целью грабежа [57, с. 142-143].

Как продемонстрировали дальнейшие события, возникшие опасения не оказались напрасными. Проведенная реформа управления в Младшем Жузе оказалась фиктивной. Полковник Д. Гранкин, посланный в 1787 году с инспекцией, составил подробный отчет об увиденном, который 16 декабря был направлен графу Г. Потемкину. Отчет содержал множество подробностей, свидетельствовавших о том, что Младшая Орда плохо контролируется, созданные органы власти не имеют никакого влияния на местную верхушку, а главным инструментом воздействия на них служит задабривание материальными средствами. «Киргизцы Меньшей орды, хотя некоторые в верное подданство склонены, но они сие сделали не из чистосердечия, а из единого лакомства, получая великие подарки. Сей план заведен со стороны низких людей и таковое содействие учинено по совету ахуну, который ныне муфтием» [8, с. 125]. Помимо этого сообщалось, что присяга, принесенная на верность России казахами, была

чистой формальностью, а донесение о ней в Петербург было заведомо ложным: «Потом нынешний муфтий отправлен был ко двору для донесения, что киргизская орда к присяге, якобы охотно, вся приведена; но слышно, что к присяге были приведены по одному за пять из десяти тысяч кибиток, так что ежели присяга была на р. Хобде, а те, за коих присягу чинили, были на Сыр-Дарье и в протчих дальних местах, о сем, я уповаю, известно Пограничной комиссии коллежскому советнику Чучалову. Да и как нынешний муфтий в тогдашнее время после приведения к присяге из Петербурга возвратился и, пришед пред обер-коменданта Зембулатова, объявил, что он е.и.в. донес, что все киргизцы на небо поднявши руки с желанием присягу приняли. Когда же Зембулатов, назвав его плутом, сказал: «Для чего ты обманул государыню якобы вся орда присягала? Я-де знаю: по одному за несколько кибиток присягали, кои о сем и не ведали». [На] что он, муфтий, на сие отвечал: «Что-де делать, так было должно доложить государыне» [8, с. 126]. О деятельности новоучреждённых органов власти сообщалось следующее: «Ныне же оные расправы почти не существуют, ибо в оных посажены судьи, мало имеющие доверенности в знатных киргизских людях, да и существовать расправы невозможно, потому что остается один секретарь, а судьи при своих кочевьях в нескольких стах верстах от расправ, как им по воле их рассудится, где быть; а иногда и секретаря нет. Одним словом, в тех расправах течения дел никаких нет, а только, как время придет брать жалованье, то оно приезжают требовать, а получа, обратно уезжают куда рассудит... С самого учреждения в Оренбурге дивана (Пограничного суда - Прим. Автор.), в котором судьи из низких людей выбраны и поведения совсем месту их не соответствующего; даже один из сих судей без позволения ушел из Калмыковской крепости и через несколько месяцев уже к должности появился» [8, с. 127-128]. Таким образом, указывается полная несостоятельность как Приграничного Суда, так и расправ.

Особое внимание в послании уделяется тому, что после проведения реформы обстановка в плане безопасности не только не стабилизировалась, но, напротив, резко ухудшилась, в связи с чем существенно повысились и военные издержки. «С начала самого, как начат сей план к склонению киргизцов в верное подданство и учреждению дивана и расправ, все войски чрезвычайное да и обыватели по линии отягощение чувствуют. До сего выходило на летнюю службу башкирцев и мещеряков до 1800, а ныне оных выходит до 8800; казаков Оренбургского войска прежде сего выходило по учрежденному в 1748 г. штату третья часть, а ныне в домах и третьей части не остается, ибо стоящие на летней службе ожидают других для смены на зимнюю службу, которые все оную службу исправляют на своем иждивении. ... Казакам же во многих местах должно следовать из своих домов на службу, то есть к линейным по Уралу крепостям по тысячи и до полуторы верст, одним словом сказать, где было прежде на отряде по 25-ти человек нерегулярного войска, там теперь по сту и по двести человек, да, сверх того, регулярных по роте и в некоторых местах по эскадрону» [8, с. 128-129].

Отдельное внимание в послании постоянно уделяется деструктивной деятельности Сырыма Датова как в прошлом, так и в настоящее время: «А как Сырым-батыр удобрен был гораздо подарками, то, напав на ханский улус, разграбил и жен его взял. ... и всякой год воруют людей, по большей части Сырымовы сообщники, даже и в нынешнем году до 30 человек мужеска и женска пола по линии и из самого Оренбурга украдено; так как мне известно, кроме Телиньгеева каравана, казанских купцов до полтараста тысяч ограблено, даже и в нынешнем году на семьдесят тысяч взято» [8, с. 130].

Помимо грабежей и работорговли, Гранкин указывает в донесении, что Датов может быть втянут в опасные для России политические интриги: «По освобождении же (Сырыма Датова из заточения у султана Ералы - Прим. Автора), когда был в Бухарии из Турции посол Иструли-паша

якобы с грамотою от султана и имел Магометов волос с тем, дабы взбунтовать Бухарию, Хиву и киргизцов, и, как слышно, что ему киргизцы приносили жалобу, что взят их хан понапрасну и сия жалоба будто отправлена с ним в Царьград; а в самое то время оной Сырым-батыр из своего улуса пропадал более месяца; иные говорят, что он у того посла был, а другие сказывают, якобы жениться ездил» [8, с. 131]. Учитывая всю напряженность отношений между Российской и Османской империями в тот период, возможность поджога внутренней ситуации в России, путем провоцирования бунта среди мусульманских народов, таила в себе большую угрозу. Ханства Средней Азии по-прежнему оставались, несмотря на торговые взаимоотношения, скорее соперниками, чем союзниками или, по крайней мере, нейтральными государствами по отношению к России.

Подобное поведение Датова не могло не беспокоить российские власти. В качестве мер, позволяющих исправить сложившуюся обстановку, полковник Гранкин указывает на то, что необходимо вновь опереться на старую ханскую династию, происходящую от Абулхаира, как зарекомендовавшую себя годами верной службы, и даже указывает на конкретные лица, но при сохранении некоторых форм проведенных Игельстромом преобразований, «Хан, ныне находящейся в Уфе, весьма древен в старости, так что он не желает и сам быть ханом. И ежели ему только предположить, что дан будет пенсия и отпустят его в свое жилище, то он неотменно склонится послать от себя к народу письмо со увещанием таковым, дабы у них уже его, хана, не было и они бы о том не думали, а повиновались бы законом е.и.в. с таковым установлением, чтобы Меньшую орду разделить на четыре части по несколько родов и каждую часть определить начальников главных из султанов под видом уездных предводителей, только с большим полномочием, к чему способны быть могут солтаны Ерали, Айчувак (*Айшуак - Прим. Автора*), Акаиб и Карабея (*Ак-Каип и Карибай, сыновья брата Нуралы-хана, Кажса-Ахмеда- Прим.*

Автора) [58, с. 147-148]); а они сами уже обществом прочих судей выберут» [8, с. 133].

В качестве мер поощрения для указанных султанов рекомендовалось разрешать им перекочевку на западный берег Урала - им и тем аулам, которые они укажут [8, с. 133-134]. Учитывая то, что на тот момент перекочевка за Урал была беспрепятственной в зимнее время, видимо, подразумевалось вновь наложить на это запрет. Для укрепления положения султанов в степи давалась следующая рекомендация: «Нужно при всяком султани и учрежденном суде с начальником по 200 человек иметь киргизцев с производением жалования» [8, с. 134]. Для более успешной реализации намеченных действий, касательно Датова указывалось следующее: «а между тем, дабы в сем плане не мог сделать помещательства Сырым-батыр, то нужно будет его взять под присмотр и содержать его, пока все учреждение кончится» [8, с. 134].

Естественно, что донесения Гранкина не могли не вызвать беспокойства в столице. Ситуация усугубилась разразившейся в это же время революцией во Франции. По этому поводу Михаил Вяткин писал: «В то время, как самодержавное правительство выступало охранителем монархических основ в Европе, здесь у себя дома, генерал-губернатор ликвидирует власть хана, которого в Петербурге рассматривали как мелкого монарха» [28, с. 271]. Реформы, проведенные Игельстромом, оцениваются как вредоносные, в связи с чем в 1791 году он смещается со своей должности [58, с. 152].

Вопрос о причинах провала реформ О. А. Игельстрома мало затронут в историографии. Наиболее убедительной выглядит версия Вяткина о том, что после упразднения ханской власти, являвшейся, как указывалось ранее, главным централизующим элементом, каждое родоплеменное объединение начало вести абсолютно обособленный образ жизни, преследуя лишь личные интересы [28, с. 154]. Это в целом перекликается с описываемыми ранее ситуациями крайнего ослабления ханской власти в период

существования Казахского ханства. Возникшие же новые органы власти не укладывались в традиционные представления степняков и не имели реальных рычагов управления, а потому их деятельность полностью саботировалась, причем самими же лицами, в них включёнными. Вдобавок родоплеменная элита, добившись своих целей, начинает ощущать себя хозяйкой положения, а потому, как можно судить из донесения Гранкина, начинает более смело вести себя в отношении имперской администрации [16, с. 197].

На фоне утраты любого единоначалия в степи увеличиваются волнения, которые, по изначальному замыслу, должны были полностью прекратиться. Причем под увеличением волнений, по мнению Вяткина, стоит понимать не только нападения на объекты, связанные непосредственно с российским присутствием в степи, количество которых не возросло в сравнении с прежним периодом (чаще стали грабиться лишь караваны), но еще и акты агрессии, направленные казахами против других казахов. То есть, происходило обострение межродовой розни, до этого пресекавшейся чингизидской верхушкой [28, с. 273-274]. К тому же нельзя сбрасывать со счетов и то обстоятельство, что чингизиды, лишившиеся власти, принимали все усилия для большей дестабилизации обстановки [58, с. 159].

Таким образом, реформа, нацеленная, путем слома традиционной системы управления и переориентации на родоплеменную элиту, на достижение мира и упрочения позиций России в регионе, приводит в реальности к отрицательным последствиям.

2.3.2 Достижение внутриэлитного баланса, как важнейший фактор прекращения восстания под руководством Сырыма Датова и окончательного вхождения Младшего жуза в состав Российской империи (1791-1797)

После смещения Игельстрома новым Уфимским и Симбирским генерал-губернатором становится генерал Александр Александрович Пеутлинг, который стал придерживаться политики укрепления отношений с султанско-чингизидской аристократией [58, с. 161].

В 1791 году умирает султан Каип, бывший главным претендентом на ханский трон в Младшем жузе, но не пользовавшийся доверием со стороны приграничных властей, в связи с тесными контактами с Хивой [23, с. 352]. Это событие открывало возможность восстановить ханскую власть. В августе, на съезде, собранном по указу нового губернатора, ханом объявляется сын Абулхаира и брат Нуралы Ералы [10, с.72]. Эта кандидатура была наиболее влиятельной из всех лояльных по отношению к России султанов-чингизидов, была известна и пользовалась поддержкой в Петербурге [58, с. 162]. Еще до формальных выборов Ералы уже был фактически утвержден в ханском достоинстве пришедшим на его имя посланием от императрицы Екатерины II, в котором говорилось: «И ежели по такому общему избранию всего верноподанного нам киргизского народа падет жребий на Вас, как на человека сея верховная степени достойнаго и толь близким родством с покойным ханом (имеется ввиду Нуралы, скончавшийся в январе этого же года - Прим. Авт) сопряженного, то мы оное благо примем, ведая Вашу к нам подданническую верность и ревность к общему добру и спокойствию» [8, с. 139]. Примечательно, что выборы происходили при большом стечении войск. С одной стороны, это

были понятные меры безопасности, с другой - демонстрация силы, стоящей за новым ханом [28, с. 279].

Возвращение к власти клана Абулхаира и фактический откат к прежней модели управления был враждебно воспринят родоплеменной элитой. В мае 1792 года предводители родов, по преимуществу расселявшихся в центральной и южной части Младшего жуза, собрали собственный курултай в междуречье Хобды и Илека (в отдалении от российских крепостей), на котором составили письмо в Оренбургскую администрацию, в котором выступили против провозглашения Ералы ханом, так как, «Хотя Ерали в ханское достоинство поступил и по высочайшей е.и.в., однако не по согласию всех Меньшей орды биев, а только с соизволения немногих» [8, с. 137] и просили о разрешении провести перевыборы и выбрать более близкую степнякам кандидатуру. В качестве аргументов старшины указывают на договоренности, заключенные ранее с бароном Игельстромом, «но нас в сим согласии и совете находится ис тех биев, которые с его выс-вом Осипом Андреевичем бароном Игельстромом контракт, или договор, учинили многое число» [8, с. 137-138].

На полученное письмо Оренбургская администрация ответила резким отказом и призвала подчиняться законному хану. Родоплеменная элита, усмотревшая в этом ущемление своих прав и интересов, решила перейти к решительному действию. В августе этого же года Сырым вновь созывает всю верхушку на курултай, на котором своим ханом они провозглашают султана Есенали, который являлся сыном Нуралы-хана, но находился во враждебных отношениях с остальным кланом Абулхаира [57, с. 177-178].

Данные события не могли быть поняты иначе, кроме как фактический выход большой массы казахских племен и их территорий из-под контроля Российской империи. Если судить по именам предводителей, указанных в посланиях, то из трех племенных объединений Младшего

жуза под властью хана Ералы осталось племя жетыру, всегда бывшее наиболее лояльным по отношению к России и несколько родов племени алимулы, кочевавших в северной части жуза [8, с. 138]. Власть Есенали над собой полностью признало племя байулы (предводительствуемое Сырымом Датовым) и большая часть племени алимулы. Таким образом, численность отколовшихся родов несколько превышала численность родов, сохранивших верность хану Ералы и, следовательно, России [57, с. 180]. Однако, и среди одной, и среди второй стороны, готовых к решительным шагам было не такое большое количество. Большинство занимало нейтральную, выжидательную позицию, переходя по несколько раз из лагеря в лагерь [16, с. 201].

На первоначальном этапе, после демарша Датова и других старшин, российская администрация делала попытки стабилизировать обстановку дипломатическими средствами. К Датову было направлено несколько делегаций и посланий от губернатора Пеутлинга, призывавшие принять власть Ералы, и на договорной основе урегулировать имеющиеся противоречия [10, с. 81-82]. В ответ на это Датов отправляет Пеутлинг свое послание, в котором, в частности, говорит: «Точный ваш обман и ухищрения видны, что вы нас хотите довести так же, как ногайцев и башкирцев, поспешить обуздать и наложить службу, а детей наших сделать солдатами и употреблять в походы, и разные тягости хотите на нас возложить. Каковые все ваши намерения мы поняли, ибо перед сим вы, россияне, скольких обласкивая серебром и прочим, довели в свое рабство. И так за сим от нас какия произойдут действия, то на нас в том не имейте гневу, купцов от себя не выпускайте, нас себе мирными ни мало не почитайте и начальствовать нами не надейтесь» [10, с. 85-86]. Данное послание явно свидетельствовало о твердом нежелании Датова идти на перемирие, по крайней мере, без значительных уступок со стороны российских властей.

Однако повстанцы явно переоценивали свои возможности, в силу целого ряда факторов. Во-первых, сама военная мощь Российской империи на тот исторический момент была крайне высокой [41, с. 67]. Во-вторых, на стороне России выступала почти вся чингизидская аристократия и немалая часть родоплеменной элиты [77, с. 17]. В-третьих, даже в тех родах, предводители которых относились к антироссийским силам, существовали оппозиционные группировки, в основном представленные купцами-саудагерами, включенными в российский рынок [67, с. 231].

Дело в том, что после начала интеграции казахских территорий в состав России материальное благосостояние даже рядового казахского народа стало значительно повышаться [62, с. 53]. К примеру, в разговоре, состоявшемся в 1742 году с губернатором Неплюевым, один из лидеров казахского народа батыр Жанибек сообщал: «У кого кафтана не было стало два, а у кого один был, у того ныне три и более, также де и всякую свою потребу получают чего им нигде сыскать не возможно» [51, с. 161].

Как становится ясным, экономическое влияние России, уже на первоначальном этапе было весьма высоким, и постоянно возрастало, достигнув к 90-м годам XVIII века весьма больших масштабов. Тот факт, что торговля, ведущаяся в российских городах, приносила ощутимые выгоды обеим сторонам, в скором времени привел к тому, что среди казахского населения начало оформляться отдельное купеческое сословие. На первых порах роль главных торговых посредников между российскими центрами и казахскими кочевьями взяли на себя купцы татарского и башкирского происхождения, так как они могли свободно обращаться и в русской, и в казахской языковой среде, знали закономерности рынка в империи. Но в скором времени и среди казахского населения начали находиться предприимчивые личности, начавшие производить торговые операции на территории казахских кочевий, получившие среди казахского народа прозвание саудагер (торговец, купец). Их влияние на общественно-политическую сторону жизни казахской степи начинало увеличиваться. В

основном их деятельность носила явно пророссийский характер, так как прочные отношения с российской администрацией были залогом будущих коммерческих успехов [18, с. 289-292].

Надежды восставших в основном возлагались на их дальнейшее положение от российских линий боевых крепостей, создававшее некоторую иллюзию недостижимости, так как на тот исторический момент еще отсутствовал прецедент использования российских войск в глубине казахской степи. Определенное укрепление позиций восставших также давала экономическая и словесная поддержка со стороны среднеазиатских ханств, которые были способны оказать и военную помощь [28, с. 281].

Стратегия, которой придерживался Датов и его сторонники, заключалась в нанесении небольших, но регулярных беспокоящих ударов по российским приграничным укреплениям, ярмаркам, торговым караванам, аулам, подчиненным чингизидской аристократии, с немедленным отступлением вглубь степи. По его мнению, это должно было продемонстрировать невозможность установления мира на границе без заключения договоренностей с вождями повстанческих сил [28, с. 282].

В рапорте от 4 сентября 1792 года генерал-губернатор Пеутлинг следующим образом описывал обстановку перед императрицей: «Сырым Датов с сообщниками по согласию сорока так называемых чиклинских мулл, выбрали между собою ханом Игенали-султана, младшего сына покойного Нурали-хана, с таким положением, чтоб с россиянами воевать и чтоб одной части разорять россиян, а другой — грабить караваны, шедшие из России в Бухарию и из Бухарии в Россию» [8, с. 143]. Дальше по тексту добавляется следующее: «Но как по многим возмущениям и соблазнам помянутого злочинца Датова немалое уже время продолжаемым, самая малейшая только часть народа следует его советам, потому и невозможно за вероятное полагать все милостивейшая государыня, чтоб и помянутые замыслы его могли совершиться, а притом и по всей линии бдительнейшая предосторожность сохраняется; и тем более видно

его малолюдство, что, как он сведал о прибытии моем в Оренбург, то с самую малою партиєю в немедленном времени удалился от границ вовнутрь степей» [8, с. 143-144]. Отсюда можно судить, что восстание не имело широкого размаха и не являлось серьезной угрозой для российского положения в регионе.

Главной причиной этого был тот факт, что значительная часть казахской национальной элиты, причем из разных страт, выступала на стороне империи. В оппозиции оказалась лишь часть родоплеменной элиты, чье влияние главным образом зависело от традиционных форм землепользования, и в целом уклада хозяйственной деятельности казахского народа, который претерпевал существенные изменения под воздействием со стороны России [16, с. 207]. Оппозицию поддерживало также радикально настроенное мусульманское духовенство. Среди восставших элит в совсем незначительной степени присутствовали чингизиды и купцы, чьи интересы были связаны с ханствами Средней Азии [41, с. 75].

Определенную поддержку восставшим обеспечивала непопулярность среди народонаселения хана Ералы, и султана Есима (фактически исполнявшего обязанности правителя при престарелом хане), запятнавших себя взяточничеством и прочими неблагоприятными поступками [40, с. 494]. Свидетельством тому являются донесения муллы Хуснутдина Абдусалямова, побывавшего на территории, контролируемой повстанцами, с разведывательной миссией: «старшин и много народа неотменное намерение к выбору и учреждению вместо Ералия другого хана клонится» [2, с. 93]. Однако для российской стороны эти персоны казались наиболее подходящими, а их лояльность не вызывала сомнений. По этой причине вопрос о смещении Ералы даже не рассматривался [28, с. 284].

В весенний период 1793 года отряды, сформированные из уральских казаков, казахов и башкир, под управлением казачьих офицеров и

казахских султанов сумели нанести несколько ощутимых поражений силам повстанцев, чем обезопасили приграничные крепости и верные официальной ханской власти аулы. Восстание на некоторое время перешло в вялотекущее противостояние, выражавшееся в неподчинении российским властям и неуплате податей, без прямого военного противостояния [16, с. 209-210].

В 1794 году умирает хан Ералы. Учитывая этот факт и некоторую стабилизацию обстановки в степи, после указанных выше военных мер, российские власти издают указ о запрете перегона скота на правый берег Урала [25, с. 136]. В приграничной администрации не могли не осознавать, что эта акция болезненно скажется на экономическом положении казахского народа, и в текущей ситуации будет способствовать усилению повстанческих настроений и играть на руку антироссийским силам. В качестве главной причины, подтолкнувшей генерала Пеутлинга к принятию данного решения, М. Вяткин называет постоянное давление со стороны уральских казаков, в интересах которых было единоличное обладание правобережьем Урала [28, с. 287]. Им в конечном итоге и отдается предпочтение, что влечет за собой расширение размаха восстания. Это не ускользает от внимания центральных властей империи.

В конце того же 1794 года генерала Пеутлинга освобождают от занимаемой должности. На его место назначается генерал-поручик Сергей Кузьмич Вязмитинов, зарекомендовавший себя во время турецких кампаний, с твердым поручением прекратить наконец волнения на границе, не утихавшие к тому моменту уже более 10 лет [58, с. 164]. Первым действием Вязмитинова в новой должности стал разбор ситуации вокруг западного берега Урала. После обсуждения с казачьей верхушкой и казахскими предводителями был издан соответствующий указ, который разрешал казахам кочевку на правобережье в любое время года, но четко разделял те территории, которые закреплялись за казачьим войском, и те, которые выделялись для казахских кочевий, предусматривая строгие

санкции в случае нарушения данных границ как для одной, так и для другой стороны [25, с. 139].

На пустовавший после смерти Ералы ханский престол был назначен султан Есим, сын Нуралы, давно известный и хорошо зарекомендовавший себя в качестве верного подданого в глазах российской администрации, тем более внушавший доверие тем, что имел личные враждебные отношения с лидером восставших Сырымом Датовым [57, с. 192-193]. Для укрепления позиций нового хана, отдельным указом за ним закреплялось единоличное право распоряжаться угодьями, выданными казахам на правом берегу Урала [77, с. 25]. Таким образом, они как бы становились личной вотчиной клана Абулхаира, и всецело от них зависело, какие рода получают право на кочевку там, а какие - нет.

Новым губернатором в прекращении восстания основная ставка была сделана на силовое подавление. Но предпринятые несколько экспедиций, хоть и смогли разбить крупные повстанческие отряды, оказались не способными вести боевые действия на большом отдалении от линии боевых крепостей [29, с. 300].

В декабре 1796 года Уфимское и Симбирское наместничество подвергается реорганизации. Возникают отдельные Оренбургская и Симбирская губернии. На должность губернатора восстановленной Оренбургской губернии вновь назначается О. А. Игельстром [58, с. 167]. В пользу этой кандидатуры говорило то, что он обладал большим опытом и имел в прошлом обширные связи с лидерами повстанческого движения. Именно в период его нахождения во главе края, на границе временно устанавливалось затишье. Возможно, в Петербурге полагали, что, учитывая прежние ошибки, Игельстром сможет сформировать баланс между казахскими элитными группировками и добиться стабилизации обстановки [16, с. 205].

Прибывший на место вновь назначенный губернатор, во-первых, сворачивает предпринятые его предшественником военные меры, которые,

пусть и не смогли одержать решительной победы, но обеспечивали безопасность для приграничных поселений и лояльных казахов. Во-вторых, он начинает проявлять стремление к мирным переговорам, без каких-либо предварительных условий [46, с. 177].

Возможно, что данная позиция была понята Датовым, как сигнал к решительным действиям. Воспользовавшись ослаблением присутствия военных сил России в степи, в марте 1797 года крупная группировка повстанцев, возглавляемая ближайшими сторонниками Датова, старшиной рода кердери - Тлепом Карбасовым, рода шекты - Отегулом, рода шомекей - Баймурзой, атаковали аулы хана Есима и других султанов. Во время налета на ханскую ставку Есим был изрублен саблями [81, с. 38].

С любой точки зрения это являло собой вопиющее преступление, так как был убит верный России зависимый правитель [28, с. 301]. Поддержание авторитета империи просто требовало немедленного и решительного ответа. Однако со стороны барона Игельстрома были приняты все возможные и невозможные усилия для того, чтобы смягчить обстановку и не допустить применения военных сил в карательных целях. Также обращает на себя внимание то, что убийство Есима произошло на совсем небольшом расстоянии от крупного Красноярского укрепления, в котором стоял внушительный гарнизон. Однако казаки не только не пришли на помощь хану, но даже не сделали попытки преследовать нападавших [58, с. 169]. Причем во время мартовского набега не пострадало ни одно российское укрепление или казахский аул, входивший в состав какого-либо отдельного родоплеменного объединения. Жертвами стали лишь ставки и аулы хана и султанов-чингизидов [16, с. 216]. Все это дает основание ряду историков (Вяткин, Акимбеков) утверждать, что между Игельстромом и Датовым существовали определенные договоренности. Дальнейшее развитие событий лишь подтверждало данную версию [16, с. 217; 28, с. 303].

Помимо того, что Игельстромом был полностью отвергнут какой-либо военный ответ на такую вопиющую акцию, он также замораживает вопрос, связанный с избранием нового хана. На съезде, созванном в августе 1797 года по инициативе Игельстрома, вместо избрания нового хана учреждался Ханский совет, в который входили представители всех трех племенных объединений Младшего Жуза, причем старшим заседателем от племени байулы был избран ни кто иной, как Сырым Датов [10, с. 99]. Для того, чтобы каким-то образом создать иллюзию торжества правосудия, в первую очередь перед столицей, Оренбургской администрации было выдано несколько человек, которых обвинили в убийстве Есима и прочих злодеяниях, хотя, возможно, ни один из них не был причастен к делу или был лишь исполнителем [10, с. 101-102].

Несмотря на то, что председателем Ханского Совета был назначен султан Айшуак, брат хана Нуралы, человек крайне пожилой и невлиятельный, все произошедшее было воспринято чингизидской аристократией как прямое предательство и тяжкое оскорбление. Большинство султанов откочевало от российских крепостей и отказалось подчиняться Ханскому Совету, провозгласив султана Каратая, сына Нуралы, своим ханом [57, с. 197-198].

Была ли деятельность барона Игельстрома спланирована заранее и согласовывалась ли она с Датовым, или была лишь адаптационной реакцией на череду произошедших событий, с точностью сказать невозможно. Но если проанализировать ситуацию внимательно, то можно увидеть попытку в очередной раз провести в жизнь те реформы (пусть и в несколько видоизмененном состоянии), которые были свернуты в 1792 году, то есть искоренить ханскую власть и влияние чингизидов и опереться на родоплеменную элиту. Отсюда и такое отношение к Датову, который, несмотря на многочисленные преступления против России, был включен в официальную властную структуру и освобожден от какой-либо

ответственности. Возможно, что Игельстром рассчитывал прекратить борьбу и установить мир в жузе.

Но этим планам не суждено было исполниться. Не ясная для подавляющего большинства степного народонаселения ситуация привела, по сути, к анархии - волнения и боевые стычки только нарастали [28, с. 304].

Вдобавок к этому в полной мере себя обнаружила властолюбивая натура Датова, который воспринял все происходящее как свой личный триумф. Учрежденному Ханскому совету он начал неуклонно диктовать свою волю, мешая его нормальному функционированию. Считая, что во всем жузе больше нет конкурентов, Датов предпринимает попытки распространить свою власть еще и на племя алимулы. А ближайшие сподвижники Датова начали производить захваты скота и пастбищ, ранее принадлежавших чингизидам и их сторонникам. М. Вяткин писал по этому поводу следующее: «батыр Срым чрезвычайно умело воспользовался организацией Ханского совета, чтобы отстоять основное в своих политических устремлениях» [28, с. 306]. Совокупность этих факторов приводит к тому, что от Датова отшатывается значительная часть его сторонников [81, с. 44].

В обстановке, которая резко осложнилась буквально в течение одного месяца, Игельстром резко меняет стратегию, в результате чего в октябре Ханский совет упраздняется, в должности хана утверждается престарелый Айшуак [2, с. 118]. Эта кандидатура удовлетворяла интересам и султанской группировки, и родоплеменной старшины, которые почти единогласно признали власть нового хана. В пользу данного решения сыграл фактор усталости от затяжного конфликта, который ошутимей всего бил по экономическим интересам степных элит и народонаселения.

На съезде, посвященном возведению Айшуака в ханское достоинство, между родоплеменной элитой и чингизидской аристократией, под руководством российской делегации, были урегулированы основные

противоречия, суть которых сводилась к тому, что ханская власть должна согласовывать основные вопросы с родоплеменной верхушкой, что, в сущности, было традиционно для политического устройства казахского народа [2, с. 121]. Таким образом, российским властям удалось оформить в степи такой баланс сил среди казахской элиты, который позволял сохранять стабильную обстановку на выгодных для империи условиях. В целом, данное положение вещей соответствовало тому распределению властных полномочий, которое наблюдалось в периоды наивысшей стабильности в казахской степи [36, с. 137-138].

В одночасье оставшийся без своей основной базы, Датов из самых влиятельных фигур в Младшем жузе становится бессильным бунтарем. Опасаясь за свою безопасность, он стремительно удаляется в южные пределы, а затем вообще уходит в Хивинское ханство, в котором, по одной из версий, был в скором времени убит подосланными чингизидами наемниками, в отместку за смерть хана Ералы, по другой - умер своей смертью приблизительно в 1802 году, остаток жизни, не вмешиваясь в политическую борьбу [81, с. 48].

Таким образом период нестабильности был успешно преодолен российскими властями, за счет установления прочного внутриэлитного баланса. Который в отличие от тех недолгих периодов времени, когда нечто подобное устанавливалось в период существования самостоятельной казахской государственности, был в значительной мере укреплен влияния со стороны Российской администрации, целенаправленно осуществляющей свою деятельность таким образом, дабы этот баланс не был в скором времени нарушен.

Период 1731-1797 годов стал во многом определяющим в процессе укоренения Российской империи на территории современного Казахстана и ее дальнейшего продвижения в Центральной Азии. Так как именно в данный период были выработаны основные механизмы взаимодействия имперских властей с местным коренным населением, и в первую очередь с

ее элитной частью. Общественное устройство кочевых народов Центральной Азии, крайне отличалось от тех форм, которые были привычны для российского чиновничества. В связи с чем период интеграции Младшего жуза (что по сути являлось первоначальным этапом интеграции казахских земель) в состав Российской империи оказался весьма растянут во временном отношении заняв чуть более 60 лет. В это время Оренбургская администрация, являвшаяся главным проводником политики Российской империи в отношении Младшего жуза, пробовала различные варианты и подходы во взаимодействии с правящей верхушкой казахского народа, что в свою очередь различным образом отражалось на положении дел внутри казахской степи. До тех пор, пока не был выработан окончательный вариант построения взаимоотношений между российской администрацией и казахской элитой, выражавшейся в установлении прочного зафиксированного распределения властных полномочий между казахскими элитными группировками, при строгом контроле со стороны России за каждой из сторон, с целью недопущения не одной из сторон посягательств на сферу влияния другой. Наиболее спорные области, являвшиеся давним камнем преткновения, такие, например, как дипломатическая сфера, некоторые стороны делопроизводства, брались российской администрацией непосредственно под собственное управление что автоматически снимало, возникающие противоречия.

Во многом именно благодаря выработке указанного механизма взаимодействия с местной коренной элитой, отработанной на территории казахского Младшего жуза, в последующие 60 лет Российская империя взяла под свою руку не только все остальные казахские земли, но и всю территорию Средней Азии.

Заключение

На основании проделанной работы мы пришли к следующим выводам.

Казахский этнос имел довольно сложную систему внутреннего родоплеменного устройства. В первую очередь, казахский народ был разделен на три крупных родоплеменных союза – жуза (Старший, Средний и Младший), в описанную нами историческую эпоху представлявших обособленные государственные образования, слабо соотносящиеся между собой. жузы, в свою очередь, разделялись на меньшие по масштабу родоплеменные подразделения, такие как арыс (племя), ру (род), ата-аймак (подрод) и отбасы (семья).

Казахская традиционная элита не представляла собой единого целого, так как состояла из двух основных сегментов: чингизидской аристократии (представителями которой являлись все ханы и султаны казахской степи), истоки которой восходили непосредственно к потомкам Чингисхана, а социальная роль и функции оформились в период существования Монгольской империи, Золотой Орды и Казахского ханства, а с другой стороны – родоплеменной старшины (в основном представленной биями – родоплеменными вождями и народными судьями, а также аксакалами – почетными старейшинами), являвшейся наследницей традиционной кыпчакской знати домонгольского периода. Между этими группами существовало распределение властных полномочий, закрепленных сложившимися традициями. В сфере ведения чингизидов находились вопросы, связанные с войной, дипломатией, а также разрешение межродовых противоречий. Родоплеменная знать обладала правом распоряжения пастбищными угодьями (бывшими

главным ресурсом при кочевом образе жизни), а также судебными функциями.

Несмотря на это, столкновения между чингизидской и родоплеменной аристократией были частым, если не сказать типичным, явлением. Эта борьба прослеживается во всех государствах, образовавшихся после распада Золотой Орды, в которых родоплеменная элита домонгольского периода либо полностью оттеснила чингизидов от власти, либо старалась превратить их в послушных марионеток. В противоположность этому, чингизидская аристократия всячески старалась возродить то свое исключительное положение, которое существовало в первоначальный период существования Монгольской империи и Золотой Орды, согласно Ясе Чингисхана. Чем сильнее тому или иному хану удавалось сосредоточить в своих руках власть, тем сильнее после этого родоплеменная верхушка начинала действовать против него или его потомков (при возникновении благоприятной обстановки).

При этом названные сегменты также не являлись однородными, так как, в силу описанного выше родоплеменного устройства казахского народа, дробились внутри себя на множество группировок и кланов, каждый из которых преследовал какие-либо свои интересы.

Данное положение вещей мы можем наблюдать и в описываемую нами историческую эпоху начала, с 30-х годов XVIII века, процесса интеграции казахских территорий в состав Российской империи.

С точки зрения системного подхода, главная проблема процесса интеграции заключалась в существенном различии системы управления, присущей Российской империи, которая отличалась большой степенью централизации, и строгой иерархической подчинённостью звеньев управленческого аппарата, с одной стороны, и начавшей встраиваться в имперскую модель традиционной системы власти казахского народа, которая, напротив, была несколько аморфной, и не отличалась строгой соподчинённостью – с другой. Номинальные правители (ханы) не

обладали всей полнотой власти, при этом и родовые вожди не могли обходиться без ханской власти. Столь существенные отличия порождали ряд трудностей.

На начальном этапе интеграции казахских территорий, Российская империя, в силу отсутствия глубоких представлений о реалиях степной жизни и слабости наличных сил в крае, была вынуждена ориентироваться на главного инициатора присоединения, хана Младшего жуза Абулхаира. Пользуясь этим, данный степной владетель пытался не только защититься от джунгарской угрозы, но и добиться удовлетворения своих личных амбиций. Он претендовал на передачу под его управление башкирского народа, пытался втравить Россию в свою борьбу за хивинский престол, но, безусловно, главным притязанием Абулхаира являлось покорение всех остальных чингизидов казахской степи, живших и правивших в других Жузах. Данное обстоятельство препятствовало укреплению влияния России в казахской степи, так как прочие чингизидские кланы усматривали в этом укреплении личных позиций хана Абулхаира.

Но в скором времени, получив достаточно информации о специфике казахского народа, российские власти, в лице губернатора Оренбургского края И.И. Неплюева, кардинально меняют стратегию, перейдя от безоговорочной поддержки хана Младшего жуза к сотрудничеству со всеми чингизидскими кланами, выказывавшими интерес к какому-либо взаимодействию с российской стороной. В краткосрочной перспективе, для России это вызывало определенные трудности, так как бывший «главный подданный» хан Абулхаир, обманутый в своих ожиданиях, пытался строить преграды на пути усиления позиций империи. А именно, атаковал строившиеся российские крепости и торговые караваны, совершил грабительский набег на кочевья калмыков, надеясь тем самым обострить взаимоотношения между ними и имперскими властями, а также всячески пытался очернить своих конкурентов из числа прочих чингизидов

в глазах губернатора Неплюева, дабы спровоцировать того на военную интервенцию в казахскую степь.

Однако в долгосрочной перспективе стратегия оказывается верной, так как к России начинают присоединяться (абсолютно мирным путем) всё больше родовых объединений, а наиболее непримиримые борцы с проникновением России из числа чингизидов меняют свое отношение к ней, так как начинают видеть в империи гаранта сохранения своего положения.

В период правления преемника хана Абулхаира, его старшего сына Нуралы (1748-1786), сохранялось довольно стабильное положение. Обусловлено это было в первую очередь тем, что после гибели Абулхаира в 1748 году, российские власти создали конфигурацию сил, удовлетворявшую интересам всех основных чингизидских кланов. Благодаря этому, практически все родоплеменные объединения Младшего жуза приняли подданство Российской империи. Быстрыми темпами развивалась пограничная торговля между казахской степью и новопостроенными городами (Оренбург, Орск, Уральск и др.), существенно возросла транзитная торговля через территории Младшего жуза. Однако российской администрации предстоял впереди еще более сложный процесс, а именно, выстраивание взаимоотношений с казахской родоплеменной знатью.

В период правления хана Абулхаира, в силу сложившейся обстановки (возникшего влияния России) и личных качеств самого Абулхаира, централизация власти в Младшем жузе в целом находилась на высоком уровне. В начальный период правления Нуралы, несмотря на некоторую слабохарактерность самого правителя, ханская власть продолжала крепнуть, в том числе и благодаря политическому влиянию и экономическому воздействию со стороны Российской империи, что не позволяло родоплеменной верхушке перейти к открытым антиханским действиям.

Своеобразным триггером изменения положения стало восстание 1773-1775 гг. под руководством Е. Пугачева. Ослабление влияния российской власти в регионе во время восстания, и в первый период после него, проявило себя в разрушении многих приграничных крепостей, вследствие чего военное и экономическое присутствие России из-за этого чрезвычайно снизилось. Естественно, что и ханский клан, являвший собой главного агента России, начал утрачивать свои возможности, а родоплеменная элита, напротив, - расширять.

Но подлинная возможность для решительных действий появилась у родовой старшины в 1783 году, в связи с ситуацией, связанной с правобережьем Урала. Воспользовавшись волной народного недовольства, вызванной запретом на перекочевку, родоплеменная элита сумела направить все протестные настроения именно против Нуралы и остального ханского рода. Хотя фактически Нуралы не являлся творцом или виновником этого указа, так как он исходил от российской администрации. Восстание Сырыма Датова приобрело именно антиханский характер, речи о выходе из-под власти России не шло, поднимался лишь вопрос о снижении ее влияния. Точного количества восставших назвать невозможно, но, как свидетельствует ряд исследований, оно на самом пике восстания не превышало 7-8 тысяч.

Период восстания 1783-1797 годов стал одним из самых напряженных для России на пути интеграции в свой состав территорий Младшего жуза, и в целом всех казахских земель.

В возникшей обстановке российские местные власти, в лице генерал-губернатора О.А. Игельстрома, попытались повернуть ход восстания в выгодное для России русло. Вместо активной поддержки хана Нуралы они сначала заняли выжидательную позицию, а впоследствии приняли сторону восставших, приказав Нуралы покинуть пределы казахских улусов. В 1786 году по инициативе Игельстрома начинается проведение реформы системы управления Младшим жузом. Суть её заключалась в упразднении

ханской власти и передаче большинства ее функций в руки коллективного выборного органа, получившего название Приграничный суд. Реформа была полностью ориентирована на родовую элиту, практически исключая чингизидов из управленческой системы. По мнению ряда исследователей (М.П.Вяткин, Е.Бекмуханов) умысел Игельстрема заключался в том, что, утратив традиционные институты управления и получив вместо них органы власти, более приближенные к тем, которые в основном существовали в империи, Младшая Орда из образования, сохранявшего немалую степень самостоятельности, превратится в более-менее контролируемую территорию. При этом каждый племенной и родовой вождь, выступавший теперь как относительно самостоятельный субъект, имел бы гораздо более слабые позиции перед лицом имперских властей, чем хан всего жуза или даже султан крупного улуса.

Однако эта затея полностью провалилась. Отказавшись от посредника, в лице ханского рода, между собой и степью, российская власть полностью утратила не только контроль, но и вообще представление о происходившем в казахских кочевьях. Приграничный суд, долженствовавший заменить собой ханскую власть, во-первых, не мог реально ведать степными делами, так как должен был постоянно находиться в Оренбурге, а во-вторых, не имел никаких реальных рычагов управления. Расправы (новоучреждённые органы власти, обладающие исполнительной и судебной властью), в свою очередь, находились в руках все тех же влиятельных родоплеменных вождей и не вносили никаких изменений в сложившийся уклад. Возомнившие себя единоличными хозяевами положения родовые вожаки и крупные баи начали проводить в степи перераспределение сфер влияния. Участились грабежи, стычки, похищения людей. Ситуацию постоянно пробовало использовать в своих интересах соседнее Хивинское ханство, пытаясь поставить под свой контроль как можно большее число казахских родов.

Провал реформы всерьез обеспокоил центральную власть. Несмотря на то, что в Петербурге, естественно, отслеживали положение дел на границе и в казахской степи, данное направление все же не являлось приоритетным, и было в целом мало известно верховным властям. По этой причине реакция столицы выражалась, как правило, не в прямом вмешательстве в происходившие процессы, а в кадровых перестановках среди местной российской администрации, которая в целом и определяла политику, проводимую в отношении казахских кочевий. Перестановка последовала и в этот раз. Пришедшие друг за другом на смену Игельstromу генерал-губернаторы Уфимского и Симбирского наместничества Пеутлинг и Вязмитинов придерживались приблизительно одного и того же курса, направленного на укрепление положения чингизидов, с помощью которых рассчитывали установить твердый порядок. Но тем самым они отталкивали от себя представителей родоплеменных элит, не желавших попадать в чрезмерную зависимость от чингизидов, а также боявшихся возмездия с их стороны. Вследствие этого восстание Сырыма Датова, хоть и было несколько ограничено, но не утихало полностью.

Вновь оказавшийся во главе Оренбургского края Осип Игельstrom принял некоторые меры к возобновлению проводимых им ранее реформ, хотя и в несколько видоизмененном состоянии. Учреждаемый Ханский совет, в отличие от Приграничного суда, должен был постоянно присутствовать в степи, кроме того, на этот раз в нем отводилось место и для чингизидов. Причем полномочия у совета были весьма широкие, и осуществляться они были должны без посредничества расправ. Тем не менее, в силу ряда предшествовавших факторов, это выглядело как победа родоплеменной знати, и лично Датова, над чингизидской аристократией, и привело к тем же последствиям, что и при реализации предыдущей реформы.

Вовремя отследивший положение вещей Игельстром принял меры к тому, чтобы не допустить прошлых ошибок. Проект с Ханским советом сразу же сворачивается, происходит восстановление, казалось бы, традиционной ханской власти, но в такой конфигурации и с такими предварительными договоренностями, что в степи наконец формируется баланс сил, гарантом которого, в свою очередь, является Российская империя.

Российские власти добивались разрешения конфликта, главным образом, ненасильственными методами. Войска использовались только в оборонительных целях, либо, в самом остром случае, для нанесения превентивных ударов по формированиям повстанцев. Предложения по использованию для подавления казахского восстания башкир реализованы не были.

Российскими властями казахи рассматривались не как чужеродный элемент, а как один из народов Империи, а потому необходимо было удерживать их не методом постоянного террора, а сформировать такую модель взаимоотношений оренбургской администрации, степной верхушки и народонаселения, которая позволила бы эффективно управлять этими землями без излишнего военного присутствия, с целью дальнейшего более легкого продвижения в глубины Азии, что в конечном итоге и было реализовано.

Данный аспект является, пожалуй, главной чертой, отличающей политику Российской империи в отношении малых народов, от политики, проводившейся в отношении инородческого населения европейскими колониальными державами. Они основывали свою линию поведения на ослаблении туземных народов и как можно большем контроле над новоприобретаемыми территориями. Эта политика зачастую предполагала как провоцирование столкновений между собой коренных народностей, так и прямую военную агрессию. Политика же России основывалась на как можно более плотной интеграции и встраивании коренных народов

новых территорий в систему общеимперского управления, с учетом местной специфики и на приемлемых для обеих сторон условиях.

Восстание 1783-1797 годов представляло собой крайне сложное явление, которое невозможно назвать антифеодальным, так как его главной движущей силой были те круги, которые обладали основным правом распоряжаться земельными угодьями. Оно не являлось также и национально-освободительным, так как каждая из сторон стремилась заручиться как можно большей поддержкой российской власти. Восстание в первую очередь было обусловлено традиционным противостоянием различных групп казахских элит. Некоторый антироссийский характер, присущий восстанию на отдельных этапах, обуславливался в первую очередь тем, что Россия воспринималась повстанцами в качестве силы, поддерживавшей чингизидскую верхушку. В те моменты, когда российская власть сближалась с родоплеменными вождями, в оппозицию к ней уходил ханский клан.

По завершении восстания российские власти сумели сформировать такую конфигурацию национальной элиты, при которой и чингизидская аристократия, и родоплеменная элита заняли свою, удовлетворявшую их основным интересам, нишу, а сама российская сторона стала своеобразным третейским судьей, который сглаживал возникавшие противоречия, и не давал ни одной, ни другой стороне преступить очерченные границы. Тем самым устанавливалась стабильная обстановка, способствовавшая экономическому, а затем и политическому проникновению и расширению влияния России в регионе.

Список использованных источников

Источники

1. Жизнь и деятельность казахских ханов, султанов, батыров XVIII – первой половины XIX вв. Сборник архивных документов и материалов.– Алматы : Литера-М, 2019. – 672 с.
2. Из истории Великой степи (последняя четверть XVIII в.). Сборник документов. – Алматы : Литера-М, 2020. – 463 с.
3. История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Т.2. Русские летописи и официальные материалы XVI - первой трети XVIII века. – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – 457 с.
4. История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Т.3. Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731-1759 гг.). – Алматы : Дайк-Пресс, 2005. – 493 с.
5. История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Т.4. Первые историко-этнографические описания казахских земель. XVIII век. – Алматы : Дайк-Пресс, 2007. – 375 с.
6. История Казахстана в русских источниках XVI-XX веков. Т. 5. Первые историко-этнографические описания казахских земель. Первая половина XIX века. – Алматы : Дайк-Пресс, 2007. – 625 с.
7. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. Сборник документов и материалов. – Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. – 743 с.
8. Казахско-русские отношения в XVIII-XIX вв. Сборник документов и материалов. – Алма-Ата : Наука, 1964. – 575 с.
9. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. – Алматы : Атамур, 1996. – 298 с.

10. Материалы по истории Казахской ССР. Т.4. (1785-1828 гг.). – Ленинград : Изд-во АН СССР, 1940. – 543 с.

11. Рычков П.И. Дневные записки путешествия капитана Николая Рычкова в киргиз- кайсацкую степь в 1771 году. – Санкт-Петербург: Императорская Академия наук. 1772 г. – 104 с.
<https://myaktobe.kz/archives/37640>

12. Султаны и батыры Среднего жуза (вторая половина XVIII века). Сборник документов. – Алматы : Литера-М, 2018. – 560 с.

Литература

13. Абдиров М.Ж. Казахские ханы в русском государстве. – Алматы: Литера-М, 2022. – 542 с.

14. Азиатская Россия: люди и структура империи. В.В. Алексеев. Е.В. Алексеева. К.И. Зубков. И.В. Побережников. – Москва : Бит-Принт, 2004. – 480 с.

15. Акимбеков С.М. История степей: феномен государства Чингисхана в истории Евразии. – Алматы : ТОО «Институт Азиатских исследований», 2011. – 912 с.

16. Акимбеков С.М. Казахстан в Российской империи. – Алматы: ТОО «Институт Азиатских исследований», 2018. – 561 с.

17. Апполова Н.Г. Присоединение Казахстана к России в 30-х гг. XVIII в. – Алма-Ата : Китап, 1948. – 256 с.

18. Апполова Н.Г. Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII-XIX вв. – Москва : АН СССР, 1960. – 456 с.

19. Артыкбаев Ж.О. История Казахстана. – Астана : Фолиант, 2011. – 259 с.

20. Ахмеджанов Г. Российская империя в Центральной Азии. (История и историография). – Ташкент : Фан, 1995. – 217 с.

21. Бекмаханов Е.Б. Присоединение Казахстана к России. – Москва : АН ССР, 1957. – 342 с.
22. Бекмаханов Е.Б. Социально-экономические отношения в Казахстане в период империализма. – Алма-Ата : Изд-во о-ва по распространению полит. и науч. знаний Каз. ССР, 1957. – 136 с.
23. Болатхан А. Казахи и Хивинское ханство/ монография. – Каскелен : КБТУ, 2020. – 468 с.
24. Броневский С.Б. О казахах Средней Орды. – Павлодар : ТОО «ЭКО», 2005. – 168 с.
25. Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII - первая половина XIX века. – Москва : РОССПЭН, 2014. – 471 с.
26. Воскресенский А.Д. Китай и Россия в Евразии. – Москва : Изд-во Института Дал. Востока РАН, 2004.– 600 с.
27. Востров В.В. Муканова М.С. Родоплеменной состав и расселение казахов. – Алма-Ата: Наука, 1968. – 255 с.
28. Вяткин М.П. Батыр Срым. – Москва : Изд-во АН СССР, 1947. – 392 с.
29. Вяткин М.П. Очерки по истории Казахской ССР. С древнейших времен до 1780 г. Т.1. – Москва : Изд-во АН СССР, 1941. – 368 с.
30. Гуревич Б.П. Международные отношения в Центральной Азии в XVII - первой половине XIX вв. – Москва : Изд-во Института Востоковедения АН СССР, 1983. – 308 с.
31. Ерасылулы Е. История Республики Казахстан. – Астана : Фолиант, 2000. – 342 с.
32. Еренов А. Очерки по истории феодальных земельных отношений казахов. – Алма-Ата : АН КазССР, 1960. – 136 с.
33. Ерофеева И.В. Присоединение Казахстана к России как историографическая проблема. – Алма-Ата : АН КазССР, 1990. – 219 с.

34. Ерофеева И.В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. – Алматы : Санат, 1999. – 334 с.
35. Зиманов С.З. Общественный строй казахов первой половины XIX века. – Алма-Ата: АН КазССР, 1960. – 291 с.
36. Зиманов С.З. Политический строй Казахстана конца XVIII - первой половине XIX века. – Алма-Ата : АН КазССР, 1963. – 296 с.
37. Из истории Казахстана (XVIII - первая половина XIX века). // Коллективная монография// (М.Ж. Абдиров, А.К. Избасарова, З.Е. Кабульдинов, Г.А. Шотанова). – Алматы : ИП «Базарбаева», 2020. – 592 с.
38. Инкорпорированные и внеузусовые группы в составе казахов (XVIII - начало XX века). // Коллективная монография// Е. Абиль, А.Исин, Г.А. Шотанова). – Алматы : Атамур, 2020. – 401 с.
39. История Казахской ССР. Т.3. – Алма-Ата : АН КазССР, 1957. – 573 с.
40. История Казахстана. От древнейших времен до наших дней. Т.3. – Алматы : Атамур. 2000. – 620 с.
41. Киняпина Н.С., Блиев М.М., Дегоев В.В. Кавказ и Средняя Азия во внешней политике России во второй половины XVIII - 80-е годах XIX века. – Москва : МГУ, 1984. – 328 с.
42. Кляшторный С.Г., Султанов Т.И. Казахстан. Летопись трех тысячелетий. – Алма-Ата : Рауан, 1992. – 378 с.
43. Колесник В.И. Последнее великое кочевье. Переход калмыков из Восточной Азии в Центральную Европу и обратно в XVII и XVIII веках. – Москва : Восточная литература, 2003. – 284 с.
44. Конев А.Ю. «Иностранцы» Российской империи. – Москва : Эдитус, 2009. – 321 с.
45. Кудайбердиев Ш. Родословия тюрков, киргизов, казахов и ханских династий. – Алма-Ата : Санат, 1990. – 189 с.

46. Кузембайулы А. Абиль Е. История Казахстана. – Костанай : Костанайский региональный институт исторических исследований, 2006. – 330 с.
47. Кузембайулы А. Северный Казахстан во второй половине XVIII - первой половине XIX века. – Костанай : Костанайский региональный институт исторических исследований, 2010. – 278 с.
48. Кундакбаева Ж.Б. «Знаком милости Е.И.В...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII в. –М.: АИРО-XXI, 2005. – 303 с.
49. Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане (Буржуазная колонизация Средней Азии). – Ленинград : Изд-во Коммунистической академии, 1930. – 160 с.
50. Мартин В. Закон и обычаи в Степи: казахи Среднего жуза и российский колониализм в XVIII-XIX веках // Перевод с англ. Д.М. Костина. – Алматы : Санат, 2009. – 263 с.
51. Матвиевский П.Е. Дневник Джона Кэстля как источник по истории и этнографии казахов // История СССР. – 1954. – № 4. – С. 133-145.
52. Моиссева В.А. Россия-Казахстан: современные мифы и историческая реальность. – Барнаул : Алтапресс, 2001. – 171 с.
53. Мясников В.С. Империя Цин и русское государство в XVII-XVIII веках. – Москва : Наука, 1980. – 312 с.
54. Национальные окраины Российской империи. Становление и развитие системы управления. – Москва : Славянский диалог, 1997. – 415 с.
55. Очерки по истории традиционной структуры казахов в первые советские десятилетия: социально-экономические и социокультурные аспекты / коллективная монография Ж.Б. Абылхожин Ж.Б., Алимбай Н.А., Турганбаева Л.Р., Жумадил А.К., Орынбаева Г.У. –Алматы : LEM, 2022. – 512 с.

56. Петрухинцев Н.Н. Внутренняя политика Анны Иоанновны (1730- 1740). – Москва : РОССПЭН, 2014. – 1062 с.
57. Политические портреты лидеров Младшего жуза в XVIII – I половине XIX веков в отечественной и зарубежной историографии. Коллективная монография: под ред. Г.А. Шотановой – Алматы : Атамұра, 2022. – 477 с.
58. Почекаев Р.Ю. Губернаторы и ханы. Личностный фактор политики Российской империи в Центральной Азии. XVIII - начало XX века. – Москва : Высшая школа экономики, 2017. – 381 с.
59. Правилев Е.Н. Финансы империи, деньги и власть в политике России на национальных окраинах. – Москва : РОССПЭН, 2006. – 216 с.
60. Прутченко С. Сибирские окраины. – Санкт-Петербург : Типография А.С. Суварина, 1899. – 407 с.
61. Ремнев А. Российская империя и ислам в Казахской степи. (60-е годы XVIII - 80-е годы XIX века). – Москва : МГУ, 2006. – 331 с.
62. Ремнев А., Суворова Н. «Русское дело» на азиатских окраинах. – Москва : София, 2011. – 197 с.
63. Ремнев А., Сухих О. Казахские депутации в сценариях власти: от дипломатических миссий к имперским презентациям. – Москва : София, 2017. – 204 с.
64. Румянцев П.П. Киргизский народ в прошлом и настоящем. – СПб: б.и. 1909. – 66 с.
65. Рычков П.И. История Оренбургская по учреждению оренбургской губернии. – Оренбург : Б.и., 1966. – 93 с.
66. Семенюк Г.И. Проблемы истории кочевых народов периода феодализма (на материалах Казахстана).– Калинин : Калининский гос. Университета, 1973. – 148 с.
67. Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII- начале XX века. – Алма-Ата : Наука, 1981. – 247 с.

68. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. – Алматы : Дайк-Пресс, 2001. – 273 с.
69. Темиргалиев Р. Казахи и Россия. – Москва : Международные отношения, 2013. – 348 с.
70. Тимченко С.В. Проблемы присоединения Казахстана к России в современной казахстанской историографии. – Москва.: Эдитус, 2008. – 175 с.
71. Толыбеков С.Е. Общественно-экономический строй казахов в XVI- XIX веках. – Алма-Ата : Казгосиздат, 1958. – 316 с.
72. Тынышпаев М. История казахского народа. – Алматы: Санат, 1999. – 112 с.
73. Фризен Д.Я. Традиционная структура аграрных отношений в Западном Казахстане и ее влияние на социально- политическое развитие общества: XIX- начало XX века. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практика: N. – 8 (22) Часть 2/ 2012. – С. 29-43.
74. Фукс С.Л. Очерки истории государства и права казахов в XVIII и первой половине XIX в. – Астана : Юридическая книга, 2008. – 810 с.
75. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. – Алматы : Дайк-Пресс, 2000. – 603 с.
76. Шоинбаев Т.Ж. Добровольное вхождение казахских земель в состав России. – Алма-Ата : Наука, 1982. – 374 с.
77. Шотанова Г.А. Политика колониальных властей по отношению к казахскому народу в материалах Государственного архива Астраханской области. – Алматы : Сборник статей КазНПУ «Әлеуметтану және саяси ғылымдар». – 2018. – №4 (64). – С. 15-27.
78. Шотанова Г.А. Степная элита казахов Младшего жуза в период вассалитета: новые подходы и проблемы переосмысления // *Bylye Gody*. – 2022. – №17(2). – С. 68-80.

79. XVIII – XIX ғғ. бірінші жартысындағы қазақ хандарының, сұлтандарының және батырларының өмірі мен қызметі (Ресей архивтерінің деректері негізінде)». Ұжымдық монография. – Алматы : Санат, 2022. – 434 б.

80. Женис Ж. Қазақ хандығындағы жүздік бөліністің рухани-идеологиялық негізі және ондағы билердің орыны//Абай атындағы ҚҰПУ Хабаршысы, «Тарих және әлеуметтік ғылымдар» сериясы. – 2021. – 3(70). – б. 77–83.

81. Қаипбаева А.Т. Тарихи зерттеулердегі Сырым Датұлының тұлғалық бейнесі //Алматы : Абай атындағы Қазақ Ұлттық педагогикалық университетінің Хабаршы «Тарих және саяси-әлеуметтік ғылымдар» сериясы. – 2019. – №1 (56). – б. 33-51.

82. Қуанбай О.Б., Құрманалина Н.Н. Қазақ-жоңғар күресі кезеңіндегі тұлғалардың зерттелу мәселелерінен (қазіргі қазақстандық еңбектерде) // Электронный журнал «edu.e-history.kz». – 2022. – № 1(29). – URL: [https://edu.e-history.kz/ru/books/journal?id=1\(29\),%202022](https://edu.e-history.kz/ru/books/journal?id=1(29),%202022)

83. Құрманалина Н.Н. Абылай хан тұлғасы мен оның қазақ-жоңғар күресіндегі қызметінің зерттелу мәселелеріне орай // Алматы : Хабаршы. «Тарих және саяси-әлеуметтік ғылымдар» сериясы. – 2018. – № 3(58). – б. 57-72.